

Джон Стивенс

Три мастера будо.

Содержание

Содержание	1
Предисловие.....	2
Дзигоро Кано.	3
Гитин Фунакоси.....	17
Морихэй Уэсиба	34
Три мастера в сравнении.	54

Предисловие

В книге «Три Мастера будо» представлены описания жизни и учений Дзигоро Кано (1860 — 1938), искушенного международного деятеля, основавшего Кодокан Дзю-до; Гитина Фунакоси (1868 — 1957), утонченного и образованного джентльмена, который считается отцом современного каратэ; и Морихэя Уэсибы (1883 — 1969), мудреца-мистика, творца айки-до. Три мастера будо (боевого искусства) хорошо знали друг друга; они и их ученики самым очаровательным образом сотрудничали. Их учения оказали глубокое влияние на общество современной Японии, а практика искусств дзю-до, каратэ и айки-до быстро распространилась и в другие страны. Все три вида искусств сейчас с увлечением изучаются во всем мире и стали неотъемлемой составляющей частью мировой культуры.

Популяризация любого искусства неизбежно подразумевает определенные опасности, и, безусловно, все три мастера должны были быть встревожены теми изменениями, что произошли в мире будо: возрастающей коммерциализацией, чрезмерным преувеличением соревновательности, ошибочными и бурными спорами и скандальным поведением старших наставников. Кано, Фунакоси и Уэсиба были проницательными людьми, обладали возвышенными идеалами и следовали высочайшим стандартам; я искренне надеюсь, что «Три Мастера будо» смогут способствовать переоценке подлинной природы и истинного предназначения дзю-до, каратэ и айки-до.

Джон Стивенс, Сендай, 1995

Дзигоро Кано

(1860 — 1938)

Длительная изоляция Японии, закрытой для внешнего мира более чем на два столетия политикой Сегуна Токугавы, закончилась 31 марта 1854 года с подписанием Договора Канагавы. Прежнее устройство Японии быстро разрушилось, когда эта островная страна приготовилась встретиться с миром. Это было время поразительных перемен и огромных испытаний; политическому и экономическому строю Японии предстояло претерпеть полное преобразование в течение нескольких десятилетий. Одновременно с рассветом новой эпохи в истории Японии, 28 октября 1860 года в Микагэ родился Дзигоро Кано.

Возвышающийся над безмятежным Осацким заливом и окаймленный величественной горной грядой Рокко, Микагэ (ныне часть города Кобэ) был в те времена одним из самых привлекательных районов Западной Японии. Этой области дарованы умеренный климат и чистая вода — два источника, обеспечивающих хорошие условия для приготовления сакэ, до сих пор входящего в ряд основных производств этого района.

По линии отца Марэсибы корни Кано уходили к самым началам истории Японии, и среди его предков было множество прославленных монахов-синтоистов, мастеров буддизма и последователей Конфуция. Его мать Садако относилась к одному из самых известных кланов изготовителей сакэ (они варили знаменитый сорт Кику-Масамунэ). Кано, вместе с двумя старшими братьями и двумя старшими сестрами, вырос в доме, который считался одним из самых больших и богатых в округе.

Хотя обстоятельства юности Кано вполне завидны, его воспитывали в строгости и суровой дисциплине. Кано сохранил нежные воспоминания о доброй и внимательной матери, но он говорит о ней как о человеке, нетерпимом к любым проявлениям недостойного поведения. Марэсиба лично занимался образованием своего младшего сына, сам обучал его основам знаний и организовал для него дополнительные уроки по китайской классической литературе и каллиграфии.

После смерти Садако в 1869 году, Марэсиба, ставший к тому времени предпринимателем и правительственным чиновником и активно поощрявший модернизацию Японии периода Мэйдзи, переехал с семьей в новую столицу, Токио. Наиболее ярким из первых впечатлений юного Кано от столицы было зрелище ронинов, с важным видом расхаживающих по улице и гордо выставляющих напоказ два своих меча (запрещение ношения мечей было издано через несколько месяцев после переселения семьи Кано в Токио).

Кано приняли в Сэтацу Сёдзю-ку, частное учебное заведение, которое возглавлял ученый Кэйдо Убуката. Уникальность этой школы заключалась в том, что в ней учились не только отпрыски аристократов и самураев (прежде образование было исключительной привилегией высших классов). Среди учеников школы были также Дети торговцев, ремесленников и представителей других классов; некоторые из них обучались борьбе сумо, мастерству актеров театра Кабуки и искусству гейш.

Убуката был высокочтимым каллиграфом и известным ученым, и, помимо усиленной подготовки своих учеников в классической литературе Японии и Китая, он заставлял их заполнять кистью до трех блокнотов ежедневно. Вечером после занятий Убуката часто проводил с учениками личные беседы, во время одной из которых сказал

Кано, что, несмотря на бесценность классического образования, современным японским студентам необходимо тесно знакомиться и с западной культурой.

Кано воспринял совет Убукаты всем своим сердцем и, после первого знакомства с английским языком в академии Сюбэй Мицукури, поступил в 1873 году в Икуэй Гидзюку, где все курсы читались на английском или немецком языках иностранными преподавателями, а учебник математики, например, был на голландском. В общежитии этой школы способный, высокородный, а временами и сноб, Кано стал беззащитным объектом жестоких насмешек со стороны ревнивых старшеклассников. Кано, разумеется, был чрезвычайно удручен столь печальным положением и именно в этот беспокойный период впервые услышал о дзю-дзюцу, боевом искусстве, в котором небольшая физическая сила позволяла противостоять сильным атакам. Кано не удалось заняться дзю-дзюцу именно в то время, но он все же пытался укрепить свое тело, обратившись к различным видам спорта, включая появившийся в Японии совсем недавно бейсбол.

В 1874 году Кано поступил в Токийскую школу иностранных языков, где продолжил изучение английского языка. Его прежние учителя английского были голландцами и немцами, и он совершенно растерялся, столкнувшись с настоящим британским и американским произношением. Примечательна та неутомимость, с какой Кано изучал английский язык в достаточно трудных условиях. В то время редкими были обычные словари; студенты академии часто довольствовались одним экземпляром учебника на всех, а перед экзаменами «смена» Кано в очереди на учебник нередко приходилась на время с часа ночи до пяти утра. Несмотря на эти трудности, Кано в совершенстве овладел языком и большую часть своей жизни вел дневник на английском (позже Кано записывал технические детали своего учения будо также на английском — вероятно, для того чтобы держать их в секрете. Его письменный английский язык совершенно великолепен и считается в Японии одним из лучших образцов).

Окончив Школу языков, Кано поступил в Академию Кайсэй, еще одну школу, поддерживаемую правительством. В 1877 году она стала Токийским университетом, и Кано удостоился чести стать одним из самых первых выпускников этого лучшего национального учебного заведения Японии. Кано выбрал своими основными направлениями политические науки, философию и литературу (как оказалось любимейшим его предметом стала астрономия). В то время Кано вновь столкнулся с задирами и буянами, как вне, так и на территории студенческого городка, и исполнился еще большей решимости приступить к изучению дзю-дзюцу. Однако в тот исторический период, было совсем нелегко найти себе подходящего учителя.

В период Токугавы (1600— 1868) в любом районе Японии учителям боевых искусств относились как к само собой разумеющемуся явлению, а каждый самурай будь то мужчина или женщина проходил интенсивную подготовку в бу-дзюцу¹. Однако с момента краха в 1868 году феодальной системы поддержка академий боевых искусств со стороны государства иссякла, и большинство из них закрылось. Более того, с переходом страны к западному образу жизни большая часть японцев потеряла интерес к классическим боевым искусствам.

¹ Бу-дзюцу (яп.) — боевые искусства как совокупность технических приемов, в отличие от будо — боевых искусств как систем интегральной физической и духовной тренировки — Прим. ред.

Юный, энергичный и целеустремленный Дзигоро Кано в дни своего обучения дзю-дзютсу. У Кано было три главных учителя дзю-дзютсу: Хатиносукэ Фукуда и Масамото Исо из Тэнсин Син-ё Рю и Цунетоси Ийкубо из Кито Рю. Кроме того, он изучал западные искусства борьбы и бокса. В 1882 году, на основе своего практического опыта и теоретических исследований, он создал Кодокан Дзю-до (все фотографии Кано любезно предоставлены Кодоканом).

«Времена изменились, и подобные вещи стали теперь бесполезными», — откровенно предупреждали Кано не только его отец, но и многие бывшие мастера боевых искусств.

Но Кано упорствовал и наконец в 1877 году нашел хорошего учителя, Хатиносукэ Фукуду (1829—1880) из Тэнсин Синьё-рю. В этом Рю, основанном Матаэмоном Исо (скончался в 1862), занимались относительно новым стилем дзю-дзюцу, и основное внимание в нем уделялось атэми (поражению анатомически слабых точек) и технике захвата. Говорят, что Матаэмон освоил многие свои приемы в уличных схватках с бродягами, терроризировавшими местное население (к концу периода Сёгуната закон и порядок пришли к полному упадку); предположительно, он владел 124 видами различных ударов кулаком.

Пятидесятилетний Фукуда, зарабатывавший себе на жизнь хиропрактикой, занимался в небольшом додзё² с несколькими постоянными учениками. Кано от всей души предан был занятиям и, даже если рядом никого не было, занимался в одиночестве и выполнял различные движения с тяжелым железным шестом, которые ему преподавал Фукуда (судя по всему, Кано одновременно изучал бо-дзюцу, сражение на палках, в додзё при Ягю Сингэн-рю). Перед занятиями Кано непременно покрывал тело сильнодействующим, но отвратительно пахнущим бальзамом собственного приготовления и потому быстро получил среди своих одноклассников прозвище «Кано Благоухающий». Каждый вечер, вернувшись домой, он показывал старшим брату и сестре то, чему научился в додзё Фукуды в течение дня. Во время занятий дотошный Кано докучал Фукуде просьбами о подробнейшем объяснении каждого приема — точного расположения рук и ног, правильного «угла вхождения», распределения веса и так далее — но учитель обычно произносил только: «Подойди», — и вновь отправлял

² Додзё (яп.) — зал для занятий боевыми искусствами. — Прим. ред.

Кано на землю, пока пытливый ученик не обретал практического понимания приема благодаря опыту «из первых рук».

Главным партнером по упражнениям для Кано был могучий тяжеловес по имени Фукусима. Он постоянно побеждал Кано в рандо-ри (соревнования в вольном стиле), и Кано обратился за советом к своему другу, борцу сумо, надеясь, что приемы этой борьбы дополнят его опыт. Однако сумо не смогло помочь ему, и Кано отправился в Токийскую библиотеку, желая посмотреть, что предлагается в книгах по западной борьбе. Там он обнаружил технику, которую успешно применил против Фукусимы и впоследствии назвал ката-гурума («мельница»).

В мае 1879 года Кано и Фукусима попали в отборную группу мастеров боевых искусств, организованную для инсценированной демонстрации бывшему президенту Соединенных Штатов Гранту во время его визита в Японию. Представление было принято генералом Грантом и другими американцами весьма благосклонно и широко освещалось в прессе США. К несчастью, вскоре после этого, в возрасте пятидесяти двух лет, скончался учитель Кано, Фукуда. Кано пытался самостоятельно проводить занятия в додзё, но очень скоро понял, что ему самому еще не хватает подготовки.

Кано продолжил свою учебу в Тэнсин Синъё-рю у Масамото Исо (1818—1881), сына основателя этой школы. В то время Масамото было за шестьдесят, и он уже не участвовал в рандори, но все еще считался мастером ката, приемов, проводимых согласно определенной схеме (позже Кано рассказывал своим ученикам, что ката в исполнении Масамото были «самым прекрасным зрелищем из всех, что мне доводилось видеть»). Кроме того, тело Масамото было словно отлитое из чугуна и без ущерба выдерживало прямой удар деревянного меча.

Обучение у Масамото позволило Кано овладеть мастерством выполнения различных ката и получить значительный опыт в рандори — в додзё Масамото занималось тридцать учеников и Кано ежедневно нужно было провести поединок с каждым из них. Очень часто его тренировки заканчивались лишь к одиннадцати часам вечера, и совсем нередко усталость едва позволяла ему доползти до дому. Когда же Кано добирался домой, он продолжал заново переживать все свои бои во сне и пробивал ударами рук и ног дыры в бумажных стенах своей комнаты.

По мере того как Кано становился сильнее и рос в своем мастерстве, возрастала и его уверенность в себе. На демонстрации, проводимой в Тоцука-рю при Токийском университете, Кано стремительно выпрыгнул из толпы зрителей и присоединился к рандори, поразив при этом непосредственностью своей импровизации как зрителей, так и самих участников. С другой стороны, Кано обнаружил, что чрезмерная самоуверенность может быть опасной — в додзё Масамото он провел очередной бросок слишком небрежно и был буквально пригвожден к полу новичком. Столь явный сигнал тревоги показал Кано, что нельзя недооценивать противника.

В 1881 году, после смерти Масамото, Кано вновь остался без учителя. На этот раз он отправился учиться к Цунэтоси Ийкубо (1835—1889) из Кито-рю. Родословная Кито-рю уходит к середине семнадцатого века. Хотя ведутся споры о личности основателя этой школы, традиции Кито подверглись серьезному влиянию учений школы Ягю и мастера дзэн Такуана (1573—1645), что придало им больший философский оттенок, чем традициям прагматичной Тэнсин Синъё-рю. Во времена Кано Кито-рю сосредоточивалась, в первую очередь, на нагэ-вадза, техниках броска. Как стиль, так и содержание обучения в Кито-рю существенно отличались от принципов Тэнсин Синъё-

рю, и Кано был очень рад познакомиться с новым подходом к дзю-дзюцу. Хотя Ийкубо было уже за пятьдесят, он продолжал вести занятия в течение целого дня и по-прежнему превосходил своих молодых учеников в рандори. Вероятно, это был самый искусный мастер боевых искусств из всех, у кого Кано доводилось учиться (в своих воспоминаниях Кано говорит: «У Мастера Фукуды я научился тому, какой должна быть работа моей жизни; у Мастера Масамото я научился тонкой природе ката; у Мастера Ийкубо я освоил множество приемов и научился важности своевременности»³).

Посвящая тренировкам все вечера, Кано не менее усердно погружался днем в книги, получая в Токийском университете отличные оценки. Одним из его преподавателей был профессор Эрнст Феноллоза (1853—1908) (в то время двадцать семь из тридцати пяти профессоров Токийского университета были людьми с Запада). Хотя он был приглашен в университет в качестве профессора западной философии, Феноллоза увлёкся восточной культурой и неустанно поощрял изучение азиатских изящных искусств среди людей Запада и самих японцев. В ранний период Мэйдзи возникла опасность того; что японцы, в своей опрометчивой погоне за модернизацией и стремлении превзойти Запад, могут потерять свою собственную культуру; к примеру, в классах художественных школ кисти начали заменять перьевыми ручками. Феноллоза предостерегал от подобного бездумного заимствования западных обычаев и убеждал своих друзей и студентов (в том числе, и Кано) в том, что традиционные японские искусства представляют собой живые формы, достойные сохранения.

Еще одним из любимейших профессоров Кано был эксцентричный дзэн-буддист Тандзан Хара (1819—1931), преподававший индийскую философию. Хара искусно избегал ловушек религии — Кано разделял с ним такую позицию — и был увековечен в современной литературе по дзэн как герой следующей популярной притчи:

Два молодых монаха, Тандзан и Экидо, отправились в паломничество из одного монастыря в другой. Разыгралась буря, и эти двое подошли к перекрестку, который превратился к тому времени в бурный поток. Посреди него стояла красивая девушка. «Вам помочь?» — спросил Тандзан, и, когда девушка ответила: «Да», он подхватил ее на руки, перенес через затопленную дорогу и поставил на твердую землю по другую сторону от потока. Часа через два, когда два монаха продолжали свой путь, Экидо внезапно взорвался: «Как ты мог позволить себе такое? Ты ведь знаешь, что монахам-буддистам строго запрещено прикасаться к женщинам!» Тандзан ответил: «Что? Ты все еще несешь с собой ту девушку? Что до меня, то я давным-давно оставил ее там, на перекрестке».

Кано закончил Токийский университет в 1881 году, но остался там для дальнейшего обучения еще на год. В феврале 1882 года он перебрался в Эйсёдзи, небольшой буддистский храм секты Дзёдо в районе Симотани города Токио. Там, в возрасте двадцати двух лет, он основал Кодокан, «Институт Изучения Пути».

Кано уже давно влюбился в Дзю-дзюцу и верил, что его необходимо сохранить как культурную драгоценность Японии; однако он был убежден и в том, что дзю-дзюцу следует приспособить к современным условиям. Он чувствовал, что основополагающие принципы дзю-дзюцу следует систематизировать в форме Кодокан Дзю-до, дисциплины разума и тела, воспитывающей мудрость и добродетельную жизнь. Сравнивая дзю-дзюцу с Хинаяной⁴, «малой колесницей» с ограниченным размахом, он уподобил Кодокан Дзю-

³ Англ. Timing.

⁴ «Монашеское» направление буддизма. — Прим. перев.

до Махаяне⁵, «великой колеснице», охватывающей как личность, так и общество в целом. «Если труд человеческого существа не приводит к благу общества, — говорил Кано, — жизнь этого человека тщетна». Что же касается термина дзю-до, который означает «путь мягкости», то он существовал уже несколько столетий. Некоторые старые тексты, к примеру, определяют дзю-до как «путь, который следует течению вещей», что истолковывается в Кодокан Дзю-до Кано как «наиболее эффективное использование энергии».

Кано и горстка его учеников (в первый год официально зарегистрировалось девять человек) занимались первоначально в углу главного зала храма. Вскоре, однако, суровость тренировок начала сказываться на самом здании — доски настила расшатывались, исторические таблички алтаря падали на пол, а с кровли осыпалась черепица, — поэтому одна из прилегающих комнат была превращена в отдельный додзё на двенадцать матов. Учитель Кано, Ийкубо, навещал додзё один-два раза в неделю, чтобы помочь в организации уроков. Тем временем в августе 1882 года Кано был принят на постоянную должность преподавателя в школу Гакусюин и начал параллельную карьеру в качестве профессионального тренера.

В первые дни работы Кодокана Кано, по просьбе одного из друзей его отца, принял к себе молодого человека по имени Сирай. Сирай, бывший военный, был в трезвом состоянии достаточно приятным человеком, но, выпив, становился агрессивным и совершенно неуправляемым. Каждый раз когда Сирай начинал вести себя оскорбительно, Кано «нежно и мягко» брал его в захват и терпеливо ждал, пока тот не успокоится. Постепенно Сирай научился владеть собой в нетрезвом состоянии, что еще более убедило Кано в ценности мягкого и деликатного дзю-до.

В 1883 году Кано дважды переезжал на новое место. Сначала он перебрался в Минами Дзимбо-тё, где открыл Английскую академию. Склад, прилегающий к основному зданию, он использовал в качестве додзё. Поскольку большинству учеников было сложно посещать занятия в будни, додзё был открыт по воскресеньям, с семи утра до полудня и с трех часов пополудни до семи вечера. Как учителю, Кано необходимо было постоянно быть на месте, даже в ледящий холод (склад не отапливался) и даже если не показывался ни один ученик. Через несколько месяцев он переехал в Ками Нибан-тё в районе Кодзи-мати и выстроил маленький додзё на свободном месте арендованной земли. Этот додзё работал ежедневно после обеда, с двух часов дня до одиннадцати-двенадцати часов ночи. Теперь Кано мог выходить и давать урок, как только кто-нибудь из учеников приходил на тренировку.

В течение первой половины 1883 года Ийкубо продолжал обучать Кано и по-прежнему одерживал над ним верх. Наконец, однажды Кано уловил ключевой момент дзю-до: «Если партнер тянет, я толкаю; если он толкает, я тяну». С этого времени он смог соревноваться со своим учителем на равных. Кано приписывает этот прорыв не какому-либо мистическому переживанию (на которые часто ссылались мастера боевых искусств прошлого), но считает его результатов многих лет внимательных наблюдений и рационального подхода к этому искусству. Хотя осенью 1883 года Ийкубо даровал ему право преподавания в Кито-рю, Кано все еще было трудно привлекать учеников из-за его молодости и недостатка должного тренерского опыта.

⁵ «Мирское» направление буддизма. — Прим. перев.

В 1883 году у него формально зарегистрировались всего лишь восемь учеников, а на следующий год их было десять. В 1884 году Кано удалось выстроить додзё побольше (хотя его размеров все еще хватало только на двенадцать матов) и установить регулярные дни открытых соревнований. К этому времени постепенно сформировалась классификационная система — первоначально в ней было три начальных уровня (кю) и три уровня для мастеров (дан). Дзёдзиро Томита (1865—1937) и Сиро Сайго (1866—1922) стали первыми тренерами, удостоенными ранга сё-дан. Примерно в то же время Кано ввел кан-гэйко, «тренировку при холодной погоде», — тридцатидневку особых зимних тренировок с четырех до семи часов утра.

В течение этого периода режим дня ученика, живущего в Кодокане, — большинство из таких учеников Кано обеспечивал из собственного кармана — был не менее суровым, чем жизнь монаха. Ученик, живший при школе, должен был подниматься в 4:45 утра и заниматься безукоризненной уборкой своей комнаты, служебных зданий и всей территории. День был четко разделен на время изучения книг (философия, политические науки, экономика и психология) и практику дзю-до. Во время изучения книг ученик должен был надевать кимоно с хакама (специальными очень широкими штанами) и сидеть в сэйдза. Даже когда ученик не работал с книгами и не тренировался, он был занят обслуживанием гостей, приготовлением пищи или ванн. День заканчивался в 9:30 вечера.

Раз в неделю Кано и ученики встречались на чаепитии, а послеобеденное время по воскресеньям посвящалось продолжительной прогулке. Девизом академии Кано были слова: «Делай сам», поэтому каждый ученик лично отвечал за стирку и штопку своей одежды. Личное расписание Кано было точно таким же, если не считать дополнительных нагрузок; часто ему приходилось просиживать всю ночь над переводами для Министерства Образования в попытках свести концы с концами.

Занявшись одновременно изучением западных видов спорта — борьбы и бокса, — Кано продолжал погружаться в исследование классических японских систем будо. Будучи лишь немногим старше своих учеников, Кано продолжал тренироваться не менее упорно, чем они. Сиро Сайго, до прихода в Кодокан изучавший тайные техники осики-ути у самурая из Айдзу, был тем самым учеником, который быстро научился противостоять броскам своего учителя. В результате Кано пришлось непрерывно оттачивать приемы Кодокана, основанные как на его практическом опыте, так и на теоретических изысканиях. Оглядываясь на те ранние дни Кодокана, легко заметить, что основное внимание в нем уделялось броскам, а из рандори постепенно исчезали самые опасные приемы.

В течение этого периода Кано много занимался дзю-до за пределами своего додзё. Тогда ему часто приходилось пользоваться лошадью, чтобы всюду успевать, однако он так никогда сносно и не освоил верховой езды. Лишь благодаря его опыту падений, полученному на занятиях дзю-до, он научился безопасно приземляться на ноги каждый раз, когда конь сбрасывал его.

К 1885 году число желающих обучаться у него возросло до пятидесяти четырех человек; к нему обратилось даже несколько иностранцев. Первыми его иностранными учениками стали, судя по всему, два брата Истлэйк из Соединенных Штатов (долго они не продержались, но в 1899 им на смену пришел профессор Лэдд из Принстонского университета, который провел в Кодокане десять месяцев серьезных тренировок). В 1866 году Кано вновь переехал, на сей раз в Фудзими-тё, и там ему удалось построить

прекрасное здание на сорок матов — в том году к нему записались девяносто девять учеников. В додзё при Фудзими-тё ученики с уровнями дан впервые начали носить черные пояса как знак своего статуса.

В течение следующих лет представители Кодокана начали выделяться на открытых состязаниях, организуемых Национальным агенством полиции. Эти славные победы давно стали частью мифологии Кодокан Дзю-до, хотя в существующих свидетельствах можно обнаружить множество разногласий относительно того, где, когда и с какими противниками проходили встречи. Например, Сайго чествуют за его прославленную победу с помощью приема яма-араси («буря в горах»), хотя точно не известно, что именно представляла собой эта техника. Кое-кто утверждает, что яма-араси означает скорее сам стиль Сайго, «подобный сильному ветру, завывающему среди горных вершин», чем какой-либо отдельный прием.

Кроме того, представляется, что правила этих состязаний были достаточно благоприятными для представителей Кодокана, поскольку большинство летальных приемов старых стилей и школ были в них запрещены (до того времени открытые состязания несли в себе смертельную угрозу; участники таких боев на всякий случай прощались со своими родными и близкими, прежде чем вступить в борьбу). Несомненным остается одно: представители Кодокана действительно прекрасно проявили себя на этих состязаниях, равно как и во многих других открытых боях.

Хотя обычно представители Кодокана выступали очень хорошо, они ни в коем случае не были непобедимыми. Один из самых сильных воспитанников Кодокана, Санбо Току (1886—1945), отказывался учиться падениям, поскольку «никто никогда не сможет заставить меня упасть». Это могло быть справедливым по отношению к боям в самом Кодокане или уличным дракам (однажды Току справился с целой командой бразильских моряков), однако когда Току встретился с Дзэнму Куний (скончался в 1930) из Кадзима Син-рю, тот бросал его, «словно котенка».

Другими мастерами, не покорившимися представителям Кодокана, были Морикити Омори (1853—1930), виртуоз сильного удара из Иотин Тоцука-рю, сражавший любого противника своим неотразимым приемом киап-дзюцу (форма гипноза в боевых искусствах), и Матаэмон Танабэ (1851—1928), изящный и исполненный достоинства человек, научившийся побеждать противника, «упражняясь в ловле угрей голыми руками и наблюдая за змеями, заглатывающими лягушек».

Многие школы старых стилей, подобные Синдо Рокуго Кай, объединялись, чтобы противостоять Кодокан Дзю-до, но такие организации просто не могли сравниться с подробно продуманной и тщательно спланированной системой Кано.

В апреле 1988 года Кано и преподобный Т. Линдсей представили статью «Дзю-дзюцу» (и, возможно, провели демонстрацию) членам Азиатского Общества Японии — исследовательской группе, состоявшей из англоговорящих иностранных дипломатов, профессоров и бизнесменов. В этой статье авторы утверждали, что, хотя и существуют свидетельства того, что некоторые японские боевые искусства формировались под влиянием китайского бокса, дзю-дзюцу имеет чистые национальные корни. Статья иллюстрировала принцип дзю на примере легенды о древнем учителе, который наблюдал, как ветви ивы прогибаются, но не ломаются под тяжестью снега. В ней приводились также истории о знаменитых мастерах дзю-дзюцу, в том числе и рассказ о Дзюсине Сэкигути (1597—1670). Однажды, когда Сэкигути и его господин проходили по узкому мосту, господин решил устроить проверку мастеру дзю-дзюцу и неожиданно

столкнул того с края. Сэкигути подался назад и, казалось, начал падать, но в последнюю секунду вывернулся, и ему пришлось спасать своего господина, который по инерции чуть не полетел вниз головой в воду.

К 1889 году, когда Кано вновь перебрался в район Ками-Нибан-тё, у него было уже более полутора тысяч постоянных учеников и несколько отделений Кодокана в разных частях Токио. Кодокан Дзю-до Кано уверенно прокладывал свой путь к выдающемуся положению в мире боевых искусств современной Японии.

В августе 1889 года Кано оставил свой пост в Гакусюин и, по требованию Императорского хозяйственного агентства, готовился предпринять длительное путешествие по образовательным заведениям Европы. Оставив своих старших воспитанников Сайго и Томиту во главе Кодокана, в сопровождении еще одного официального лица из Императорского хозяйственного агентства он отплыл из Иокогамы 15 сентября 1889 года. Учитывая, что в те времена лишь немногие японцы пересекали океан, не удивительно, что Кано и его спутник оказались единственными японцами-пассажирами на судне.

Сделав недолгую остановку в Шанхае, они прибыли в Марсель в октябре. В течение следующего года Кано посетил Лион, Париж, Брюссель, Берлин, Вену, Копенгаген, Стокгольм, Амстердам, Гаагу, Роттердам и Лондон, а на обратном пути остановился в Каире, чтобы увидеть пирамиды. Самым сильным впечатлением Кано за время путешествия стало огромное число церквей и соборов, и тогда он впервые осознал, что религия обладала в европейском обществе всепроникающей силой. Однако после бесед, с самими европейцами и наблюдений за их поведением он сделал вывод, что религия в Европе могла иметь большое влияние в прошлом, но сейчас ситуация изменилась.

Поразила Кано и бережливость европейцев, старающихся ничего не терять впустую. Такая добродетель, распространенная в иных странах, вновь подтвердила одно из основных убеждений Кано: в дзю-до, как и в повседневной жизни, человек должен стремиться к наиболее эффективному использованию предметов и энергии. Он также заметил, что в то время как японские студенты, изучающие иностранные языки, стеснялись писать или говорить на них из боязни сделать ошибку, сами коренные жители этих стран искажали свой язык в разговоре и присылали ему письма с множеством грамматических ошибок. Разумеется, идеал заключался совсем не в этом, но это убедило Кано в том, что японским студентам не следует чрезмерно беспокоиться о своих ошибках при изучении устного или письменного иностранного языка. В целом, Кано был чрезвычайно доволен своей первой поездкой в Европу и чувствовал, что японцы и европейцы вполне могут сотрудничать на дружественной основе.

После посещения Египта в компании англичанина, француза, голландца, швейцарца и австрийца, Кано с гордостью рассказывал своим друзьям в Японии, что он один смог взобраться на вершину пирамиды и спуститься вниз без посторонней помощи и передышек. Во время долгого путешествия домой Кано беседовал с попутчиками о дзю-до и демонстрировал им его действенность. На корабле служил очень сильный русский матрос, и ради развлечения был устроен бой между ним и Кано. Матрос быстро взял Кано в крепкий захват, и мастеру дзю-до удалось на лету изобрести новый прием — «наполовину коси-нагэ, наполовину сэой-нагэ» — и одолеть своего противника броском. Больше всего толпу наблюдающих пассажиров поразило не то, что такой маленький

человек смог одолеть такого огромного, но то, что Кано удерживал матроса таким образом, чтобы тот не получил повреждений, ударившись о палубу.

Когда судно остановилось в Сайгоне, Кано отправился на прогулку по городу. На окраине его неожиданно окружила свора бродячих псов. Его первой мыслью была идея избить их, но, когда к нему вернулось хладнокровие, он обнаружил, что собаки тоже приутихли. Он спокойно прошел мимо них, и они не причинили ему никакого вреда. Кано вернулся в Японию в середине января 1891 года; его путешествие длилось шестнадцать месяцев. К несчастью, за это время Сайго попал в неприятности. Как уже упоминалось, в те ранние годы некоторые воспитанники Кодокана продолжали посещать соперничающие школы с целью проверки своего мастерства. Среди них был и Сайго, который, в компании приятелей из школ дзю-дзюцу, но не из Кодокана, слонялся по шумным рыночным площадям и принимал любой вызов на состязание. Однажды Сайго и его приятели столкнулись с группой борцов сумо, которую возглавлял чудовищный Арауми, «Бушующее Море». Арауми быстро расправился с его товарищами, и Сайго пришлось вступить в бой. Хотя Сайго был пьян от сакэ, ему все же удалось уложить Арауми на лопатки. Но когда огромный борец вонзил зубы глубоко в щеку Сайго, тот не выдержал и начал бить его кулаками. Последовала отчаянная драка между сумоистами и представителями дзю-дзюцу, кто-то вызвал полицию, и вся компания угодила в тюрьму.

Дело осложнялось тем, что в общей свалке Сайго ударил нескольких полицейских. Членам Кодокана удалось вытащить Сайго из-под ареста, но, когда Кано узнал об этом происшествии, ему не оставалось ничего иного, кроме как исключить своего лучшего ученика «за нарушение правил Кодокана». Сайго сбежал в далекий Нагасаки и бросил занятия дзю-дзюцу и дзю-до (в Нагасаки Сайго занялся кю-до, японской стрельбой из лука, и достиг в этом искусстве не меньшего совершенства, чем в дзю-дзюцу). Когда Сайго умер, Кано, в знак прощения, присвоил своему своенравному бывшему ученику посмертный ранг «Шестой Дан Кодокан Дзю-до».

В 1891 году Кано, которому исполнился тридцать один год, решил, что пришла пора обзавестись семьей, и, после поисков подходящей партии с помощью старших, женился в августе того же года на Сумако Такэдзоэ. Увы, уже в следующем месяце Кано пришлось покинуть жену и принять должность директора пятой высшей школы в отдаленном Кумамото.

Как обычно, нововведения в образовании медленно доходили до провинциальных районов, поэтому Кано рассматривал свою работу в пятой высшей школе как особое испытание. Бюджет ее был мизерным, хозяйство скудным, а учителя — недостаточно подготовленными. Не было в ней и додзё. В отсутствие средств на его постройку, Кано и его ученики вынуждены были заниматься прямо под открытым небом. Позже, когда у школы появилась возможность построить додзё, к Кано присоединилось несколько его воспитанников из Токио и они занялись распространением Кодокан Дзю-до в Южной Японии.

Одним из новых учителей, нанятых в школу — предположительно, по личному приглашению Кано; хотя остается неясным, как они познакомились, — был Лафкадио Хирн (1850—1904). Хирн написал эссе о дзю-дзюцу, вошедшее в его книгу «С Востока», которая была впервые опубликована в 1894 году! В этом не очень связном сочинении мало говорится о Кано и дзю-до, но выражается очень верная мысль о том, что в общении с силами Запада японцам следует придерживаться духа дзю-до — «гибко, но твердо». В своих воспоминаниях Кано описывает очень торжественную церемонию,

проводившуюся в городе; все ее участники были одеты в западном стиле: строгие сюртуки, европейские платья или военная форма, за исключением единственного человека, облаченного в японскую одежду, — Лафкадио Хирна.

В 1893 году Кано вернулся в Токио и занял пост директора Первой высшей школы, а немногим позже — ту же должность в Токийском педагогическом училище. Теперь он смог воссоединиться со своей женой, и в конце года у него родился первый ребенок, девочка. У этой супружеской пары было восемь детей — пять девочек и три мальчика.

На следующий год в Сима Томидзака-тё был выстроен прекрасный додзё на сто матов, и тогда впервые была назначена небольшая оплата за обучение (в течение всей жизни Кано оплата занятий в Кодокане оставалась вполне приемлемой благодаря поддержке множества щедрых покровителей). В том же 1884 году началась китайско-японская война. Последовавшая военная горячка сделала практику дзю-до более популярной, хотя сам Кано не делал ничего, что поощряло бы подобные настроения. В течение этого времени часто происходили случаи «продуктового бандитизма». В Кодокане появился похититель, который в течение нескольких дней таскал продукты у живущих в школе студентов. Два ученика были поставлены на страже, но, когда они набросились на бандита, облаченного в облик китайского ниндзя, он жестоко избил их, после чего усмехнулся: «Жалкие слабаки! Неужели это лучшие из тех, кого смогли поставить на охрану?» Выслушав отчет о тревожном ночном событии, старшие воспитанники додзё пришли в замешательство. Если им необходимы четыре-пять учеников Кодокана, чтобы справиться с одним бандитом, это бросит тень на авторитет их дзю-до, потому они решили обратиться к Сакудзиро Иокояма (1862—1912) с просьбой о защите чести Кодокана. Прославившийся своим ошеломляющим тэнгу-нагэ и носивший прозвище «Демон», Иокояма однажды в течение пятидесяти пяти минут вел поединок с чемпионом по дзю-дзюцу по имени Накамура, пока начальник полиции столицы, перед которым проходило это состязание, не вмешался и не огласил ничью.

Следующей ночью, как и ожидалось, бандит спустился с крыши, и завязался эпический бой. Кем бы он ни был, грабитель определенно хорошо владел китайским кулачным боем, но у Иокоямы были свои приемы. В результате ни один из них не мог похвастаться победой, но бандит никогда больше не возвращался к новой встрече с Иокоямой или кем-то из Кодокана.

В 1895 году в Кодокане были официально введены гокё-но-вадза, пять групп инструкций. Каждая группа состояла из восьми показательных техник — взмахи ногами, броски и падения. В 1986 году была окончательно установлена сётю-гэйко — так сказать, «тренировка в разгар лета», жаркая противоположность холодной «зимней тренировке», которая практиковалась там уже давно.

В течение этого года Кано начал читать регулярный курс лекций по Трем Элементом дзю-до, суть которых можно выразить следующим образом.

- Дзю-до как физическое образование:

Цель физического образования, говорил Кано, заключается в том, чтобы сделать тело «сильным, полезным и здоровым». Далее, в процессе физического образования все мышцы тела должны развиваться симметрично. Прискорбно, по словам Кано, что большинство видов спорта обычно развивают лишь определенные группы мышц и пренебрегают другими. В результате возникает физическая неуравновешенность. Кано разработал для занимающихся дзю-до определенный набор разогревающих упражнений, развивающих все мышцы тела. Кроме того, необходимы регулярные практики как ката,

так и рандори. Ката, которые нужно выполнять как право-, так и левосторонними, несут в себе основы атаки и обороны. С другой стороны, рандори представляет собой тренировку в вольном стиле. В обоих случаях все движения должны выполняться согласно принципу сэиреку дзэн-е — «наиболее эффективное использование силы».

- Дзю-до как спорт:

Рандори является основой состязания в дзю-до, спортивным элементом системы Кано. Летальные приемы в нем запрещены, и противники пытаются одержать чистую победу благодаря отточенной технике, наиболее эффективному использованию энергий и надлежащего чувства времени. Рандори представляет собой, таким образом, проверку прогресса человека в освоении этого искусства и позволяет ученику оценивать, насколько хорошо он способен действовать в сравнении другими. Отмечая важность рандори, Кано особо подчеркивает, что соревновательность является лишь частью системы Кодокан Дзю-до, и ее значение не следу переоценивать.

- Дзю-до как этическая подготовка:

Обучение Кодокан Дзю-до, по мнению Кано, помогает человеку стать более бдительным, уверенным в себе, решительным и сосредоточенным. Еще более существенно то, что Кодокан Дзю-до рассматривалось как средство обучения применению другого важнейшего принципа Кано — дзита кёэй, «взаимопомощь и сотрудничество». В применении к общественной жизни, принципы Кодокан Дзю-до — прилежность, гибкость, экономичность, хорошие манеры и этичное поведение — являются огромным благом для всех.

В своих лекциях Кано, кроме того, выделил Пять Принципов дзю-до в повседневной жизни:

1. Внимательно наблюдай за собой и обстоятельствами собственной жизни, внимательно наблюдай за другими людьми, внимательно наблюдай за всем окружающим.
2. Владей инициативой в любом начинании.
3. Осмысливай полностью, действуй решительно.
4. Знай, когда следует остановиться.
5. Придерживайся среднего между радостью и подавленностью, истощением и ленью, безрассудной бравадой и трусостью.

В течение трех последующих десятилетий происходило последовательное распространение Кодокан Дзю-до как на его родине, так и за ее границами. Все эти годы Кано выдерживал полную нагрузку руководителя Кодокана, директора Токийского высшего педагогического училища, члена множества правительственных консультационных комитетов и, с 1909 года, роль главного представителя Японии в Международном Олимпийском Комитете (в довершение, в 1922 году Кано был избран в Палату Пэров). Хотя он продолжал давать лекции и демонстрации по Кодокан Дзю-до, но примерно с тридцати пяти лет очень редко проводил практические занятия.

В 1902 году Кано посетил Китай с целью официального осмотра образовательных заведений. Династия Цин разваливалась, и обстановку в Китае едва ли можно было назвать идеальной. По возвращении Кано расширил академию для обучения китайских студентов, которую он основал несколькими годами ранее в надежде, что эти студенты смогут «сделать глоток свежего воздуха», а вернувшись, помогут в модернизации своей родины. Хотя это не входило в список обязательных дисциплин, некоторые китайские студенты занимались Кодокан Дзю-до во время своей учебы в Токио.

Заморские посетители стали в Кодокане привычным явлением, и в 1903 году американский промышленник Сэмюэл Хилл предложил Йосиаки Ямасите (1875—1935) обучать Кодокан Дзю-до его сына в Соединенных Штатах. Ямасита был известен в Кодокане как первый студент, попытавшийся в течение года принять участие в 10000 поединков (он лишь немного не дотянул до этого числа, успев сразиться 9617 раз). Ямасита принял предложение Хилла, но, к сожалению, тот не успел предварительно условиться об этом со своей женой, и, когда Ямасита прибыл в Соединенные Штаты, их договор был сорван из-за непреклонной позиции миссис Хилл: «Дзю-до жестоко и грубо».

Семьянин Кано, его жена и шестеро детей в 1902 году. У этой супружеской пары было ещё двое детей, мальчик и девочка, но они родились позже, когда Кано было пятьдесят два года.

Однако Хиллу удалось устроить для Ямаситы другое место учителя, а также встречу в Белом Доме с президентом Рузвельтом. После чтения книги Инадзо Нитобэ (1862—1933) «Бусидо: душа Японии» у Рузвельта возник острый интерес к японским боевым искусствам. Президент пожелал увидеть демонстрацию Кодокан Дзю-до, и в результате Ямасита, рост которого составлял пять футов четыре дюйма, а вес 150 фунтов⁶, встретился американским борцом, едва ли не вдвое превышавшим его по этим показателям. Ямасита сделал несколько бросков — и в конце концов уложил противника на лопатки. Рузвельт был настолько впечатлен этим, что посодействовал в предоставлении Ямасите должности преподавателя дзю-до в Военно-морской Академии США с окладом в 5000 долларов, что составляло по тем временам поистине королевскую зарплату. Очаровательная жена Ямаситы, которая тоже неплохо владела дзю-до, обучала этому искусству дам из высшего света. Эта супружеская пара провела в Соединенных Штатах два плодотворных года.

Визит Дзёдзиро Томиты и Ми-цуюэ Маэды (1880—1941) в Белый Дом в следующем, 1904 году был намного менее успешным. Президенту Рузвельту хотелось, чтобы в столице был свой учитель дзю-до, поскольку Ямасита преподавал в другом месте. Кано отрекомендовал на эту роль Томиту, своего старшего ученика. Томита был утонченным и образованным человеком и знал английский язык, но уровень его дзю-до был не таким

⁶ 162,5 сантиметра, 68 килограммов. — Прим. перев.

высоким, как мастерство Сайго, Иокоямы или Ямаситы. Кроме того, за несколько лет до этого события он серьезно повредил плечо. Кано осознавал недостатки Томиты, о чем свидетельствует тот факт, что он отправил вместе с ним Маэду, который в то время считался сильнейшим из молодых учеников дзюдо в Кодокане. Очевидно, идея заключалась в том, чтобы Маэда участвовал в схватках, а Томита разъяснял теорию Кодокан Дзю-до. Этот план успешно сработал во время демонстрации в Вест-Пойнте, где Маэда сперва противостоял атакам футболиста⁷, а затем — боксера. Однако на приеме в Белом Доме все обернулось не так хорошо. После того, как Томита и Маэда формально представили Кодокан Дзю-до, один футболист из числа присутствующих неожиданно бросил им вызов. Обстоятельства были таковы, что бороться пришлось Томите, а не Маэде, и это закончилось плачевно: ему не удалось провести бросок, и он немедленно оказался придавленным к полу грузом тела футболиста. Президент Рузвельт дипломатично отвергнул дальнейшие состязания, предположив, что на Томиту, по всей видимости, скверно повлияло изменение климата, после чего они были приглашены на обед в Белый Дом.

Вскоре после этого Томита вернулся в Японию, но Маэда, пристыженный поражением Томиты и истово жаждущий восстановить превосходство Кодокан Дзюдо, остался в Америке. Он уговорил нескольких японских бизнесменов рискнуть тысячей долларов в качестве ставок на состязаниях и вступил в длительную серию поединков с любыми противниками от Северной до Южной Америки. Говорят, что Маэда, рост которого составлял 5 футов 5 дюймов, а вес — 154 фунта⁸, участвовал в тысяче состязаний, не проиграв ни одного соревнования в стилях, сходных с дзю-до, и потерпев лишь одно-два поражения в поединках с профессиональными борцами. В Бразилии, где он остался до конца своих дней, Маэда стал известен как Конте Комте («Граф Поединка»), а его жесткая система боя, которую сейчас называют «грациозным дзю-дзюцу», используется некоторыми бойцами в современных профессиональных схватках «без запретов».

Примерно в то время, когда Маэда совершал свои бойцовские туры, тем же занимался и американец по имени Эд Сантеру (точное произношение его фамилии неизвестно). В дополнение к тому, что он был первоклассным мастером борьбы в западном стиле, Сантеру очень быстро перенял техники своих противников из направлений дзю-дзюцу и Кодокан Дзю-до (кроме вышеупомянутых представителей Кодокан Дзю-до, множество воспитанников других школ появлялось в Америке уже с 1880 года). Обогатившие опыт сражений Сантеру японские мастера боевых и искусств потеряли для него элемент неожиданности, и очень скоро он начал регулярно побеждать представителей Кодокан Дзю-до или, по меньшей мере, сводить поединки с ними вничью. Говорят, что он брал приступом даже японские центры, а позже объявил себя чемпионом мира по дзю-до. Его последний документированный поединок прошел в 1924 году в Лос-Анжеле против представителя Кодока Дзю-до по имени Ота; три раунда этой схватки закончились ничьей.

Кано с самого начала не одобрял подобной практики свободных состязаний — именно за нарушение этого правила он исключил из школы своего любимого и много обещающего ученика Сайго — несколько раз устанавливал запреты, в которых осуждал подобные соревнования как «противоречащие духу Кодокан Дзю-до». Никогда за все то

⁷Здесь и далее имеется в виду американский футбол. — Прим. перев.

⁸ 165 сантиметров, 70 килограммов. — Прим. перев.

время, пока Кано возглавлял Кодокан Дзю-до, его цель не была победа в поединке любой ценой. Уже в преклонном возрасте после посещения одного из состязаний, чрезвычайно разочарованный Кано собрал его участников и отругал их: «Вы сражаетесь, как молодые быки, сталкивающиеся рогами; ни в одном из приемов, которые я сегодня видел, не было ни отточенности, ни изящества. Я никогда не учил никого такому Кодокан Дзю-до. Если все вы будете думать только о победе с помощью грубой силы, наступит конец Кодокан Дзю-до».

Время вновь и вновь доказывало тщетность попыток полагаться исключительно на технику. К примеру, в 1929 году гордые и самоуверенные члены Клуба Дзю-до при Университете Васэда отправились в Соединенные Штаты для участия в турнире с Клубом Борьбы Вашингтонского университета. Первый тур проводился по правилам Кодокан Дзю-до, и японцы победили со счетом 10:0. Во втором туре использовались правила борьбы в западном стиле, и на этот раз со счетом 10:0 победили американцы. Правила последнего раунда определялись жребием, подброшенной монетой. Удача улыбнулась японцам, но вместо того, чтобы подтвердить ожидания легкой победы, они проиграли или свели вничью все схватки, за исключением одной. В то время как представители дзю-до из университета Васэда пребывали в замешательстве и смущении от неизвестного стиля своих противников, борцы из Вашингтонского Университета быстро научились тому, чего можно ожидать от японцев, и соответственно видоизменили свои приемы; в результате они победили японцев «на их территории».

Хотя большинство подобных состязаний проходило в Соединенных Штатах, Кодокан Дзю-до уверенно прокладывало свой путь и в Европе. Как обычно, первоначальный интерес возбуждался новостями о том, что маленькие японцы легкими ударами укладывали на землю крупных европейцев, но, как только новизна таких сообщений иссякла, начались серьезные занятия Кодокан Дзю-до. Интересно, что практика дзю-до стала очень популярной среди британских суфражисток, и уже в 1913 году там сформировалась группа владеющих дзю-до женщин, называемая «Телохранитель»; задачей группы была защита активисток движения от силового сопротивления мужчин.

Во время русско-японской войны 1904—1905 годов многие старшие воспитанники Кодокана, включая генерала Хиросэ и адмирала Асано, погибли в боях. Кано предостерегал своих соотечественников от ложной самоуверенности после неожиданных побед Японии над Китаем и Россией. Китай, отягощенный безнадежно продажным имперским двором и устаревшей армией, терпел поражение изнутри; Россия была не способна в достаточной мере снабжать отдаленный Дальний Восток войсками и боевой техникой, но, если бы война велась поближе к Москве, ее результаты могли бы быть совершенно противоположными. «Война никогда не идет на пользу, — писал Кано, — и непрерывные сражения рано или поздно приводят к поражению».

В 1906 году Кодокан вновь расширяется; на сей раз он переезжает в додзё на двести семь матов в районе Симо-Томисака-тё. Примерно в то же время стандартом становится дзю-до-ги (форменная одежда дзю-до) в том виде, в каком она известна нам сегодня (прежде брюки часто были очень короткими, а куртки шились по самым разным образцам). В 1908 году японский парламент принимает закон об обязательном обучении кэн-до или дзюдо в средних школах.

Типичный горожанин и стильный мастер дзю-до в возрасте за пятьдесят. Пожалуй, Кано посетил больше зарубежных стран, чем любой другой японец его поколения. Этот утонченный джентльмен более сорока лет *de facto* исполнял роль министра иностранных дел своей страны.

В 1909 году Кано избирается первым японским представителем в Международном Олимпийском Комитете. Хотя Кано был предельно добросовестным членом этого комитета и в конце концов добился проведения Олимпийских Игр 1940 года в Токио, он занимал довольно неоднозначную позицию по отношению к введению Кодокан Дзюдо в программу Олимпийских Игр. Как уже упоминалось, Кано был глубоко обеспокоен возрастанием значения спортивных побед и боялся, что олимпийское дзю-до может стать орудием национализма. Разумеется, он одобрял открытые международные турниры, но не хотел, чтобы они стали формой противостояния между различными странами и мерилom расового превосходства (дзю-до вошло в список олимпийских видов спорта лишь в 1964 году, спустя много лет после смерти Кано, и следует признать, что демонстрируемое на олимпиадах дзю-до имело мало общего с исходными идеалами Кодокан Дзю-до).

С 1910 по 1920 годы Кано неутомимо продолжал преподавание и поездки. В возрасте шестидесяти лет он покинул пост директора Токийского высшего педагогического училища и отправился в длительное путешествие по Европе и Соединенным Штатам. Большое землетрясение в Канто в 1923 году пощадило Кодокан и не причинило ему серьезных повреждений, поэтому поездки и лекции Кано продолжались. Помимо прочего, он выступил с речью «Необходимость английского образования в современном международном обществе». В 1926 году в Кодокане было официально открыто женское отделение. Кано всегда активно призывал женщин к практике дзю-до; он часто повторял: «Если вы хотите по-настоящему понять дзю-до, наблюдайте за тренирующейся женщиной». Вероятно, самой одаренной ученицей

Кано была Кэйко Фукудо (род. в 1914), внучка его первого учителя Хатиносукэ Фукуды, автора англоязычной книги «Рожденный на ковре».

В 1927 году Кано довелось побывать на Окинаве, и он занялся изучением местной культуры, в том числе и каратэ. Там Кано стал свидетелем схватки мангусты и смертельно ядовитой гадюки (подобные представления до сих пор устраиваются для туристов). Как обычно, мангуста быстро расправилась со змеей, поскольку, по наблюдениям Кано, использовала дзюдо: «Она увертывалась от ударов гадюки и тут же, с совершенной своевременностью, контратаковала».

Во время его пребывания на Окинаве у Кано спросили, как практикующий дзю-до должен вести себя при столкновении с диким животным. «Самое опасное животное, с которым можно встретиться на крупных островах Японии, — медведь. Медведи становятся свирепыми, когда они зажаты в угол, но их можно отпугнуть громкими звуками или ярким огнем. В лучших традициях дзю-до удерживать медведя а расстоянии и вести себя предельно осторожно, не пытаясь сражаться с ним лицом к лицу».

Кано (справа) демонстрирует крепкую стойку Кодокан Дзю-до с помощью Кюдзо Мифу (1883—1965); последний, вероятно, был величайшим из множества великих учеников Кано. Коньком Мифунэ в дзю-до был куки-нагэ «воздушный бросок». Эти броски были настоль отточены по времени и совершенны в исполнении, что его противники были бессильны - прием был «пустым». На таком уровне дзю-до по своей сути не отличается от айки-до, которое Кано, увидевший демонстрацию Морихэя Уэсибы, назвал «идеалом будо».

В 1929 году индийский философ и Нобелевский лауреат Рабиндранат Тагор посетил Кодокан и попросил Кано прислать учителя дзю-до для преподавания в университете, который Тагор основал в Бомбее. Дзю-до, мягкий путь, пустило корни среди индусов и до сих пор широко распространено в Индии.

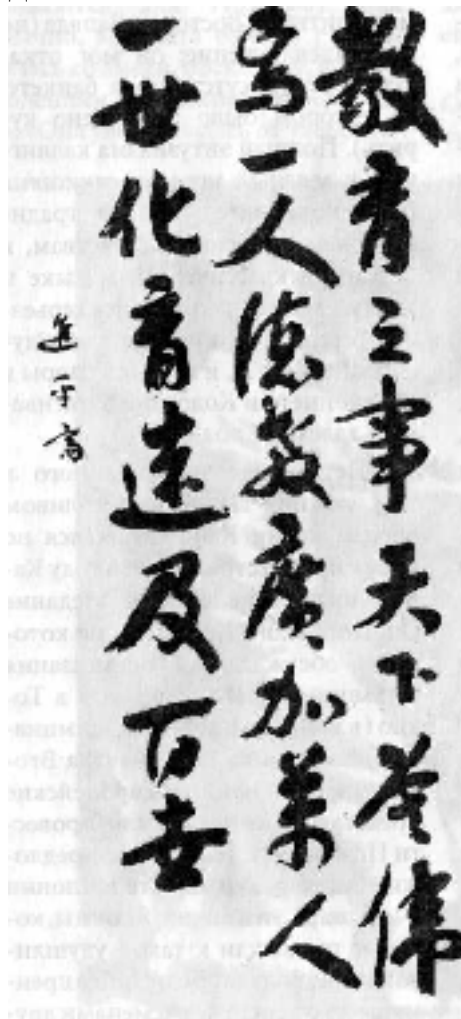
Последние двадцать пять лет жизни Кано прошли в почти непрерывных путешествиях по родине и за границей. За свою жизнь он тринадцать раз пересек океан и посетил четыре континента. Несмотря на беспрестанные сложные поездки, Кано никогда не жаловался на усталость; ему не нравилось слышать фразу «Оцукарэ-сама дэсита»

(«Вы, должно быть, устали?»), и, возвращаясь из очередного путешествия, он отмахивался от любого подобного приветствия.

Кано любил жизнь. Он наслаждался хорошей кухней и приятными напитками Востока и Запада (но ненавидел курение; он мог отказаться от присутствия на банкете, на котором было разрешено курить). Полный энтузиазма каллиграф и заядлый игрок в сякухати, Кано покровительствовал традиционным японским искусствам, в частности классической музыке и танцу. Ему очень нравились серьезные беседы о внутренних и международных делах, и нередко споры в его кабинете в Кодокане затягивались далеко за полночь.

Нет ничего неожиданного в том, что при таком непоседливом образе жизни Кано скончался во время путешествия. В 1938 году Кано отправился в Каир на заседание Олимпийского Комитета, на котором обсуждалась организация Олимпийских Игр 1940 года в Токио (в конце концов, эта Олимпиада была сорвана из-за начала Второй мировой войны). Европейские представители предлагали провести Игры в августе, но Кано предложил сентябрь: «В августе в Японии очень жарко и влажно. Японцы, которые привыкли к такой душливой жаре, получают решающее преимущество перед спортсменами других стран».

Возвращаясь в Токио на судне «Хикава-мару», Кано заболел и тихо скончался 4 мая 1938 года, в возрасте семидесяти восьми лет.

Каллиграфический почерк Кано «Под небесами нет ничего более важного, чем образование. Учение одного добродетельного человека способно повлиять на многих; то, что было хорошо усвоено одним поколением, будет передано сотням поколений». Взмахи кисти отражают характер Кано: смелый, уверенный в себе и идеально уравновешенный.

Жизнь и учение Кано лучше всего отражаются словами, которые он писал, создавая Кодокан Дзю-до: «Учение одного добродетельного человека способно повлиять на многих; то, что было хорошо усвоено одним поколением, будет передано сотням поколений».

Гитин Фунакоси

(1868—1957)

В отличие от Дзигоро Кано и Морихэя Уэсибы, которые считаются «творцами» Кодокан Дзю-до и Айки-до соответственно, Гитин Фунакоси почитается скорее как «отец» современного каратэ, его представитель и образец этого стиля будо, чем как его реальный изобретатель. Кроме того, Фунакоси вырос в окружении, заметно отличающемся от среды, воспитавшей Кано и Уэсибу. Чтобы понять Фунакоси как одного из трех мастеров будо, нам необходимо предварительно познакомиться с особенностями культуры Окинавы.

Крупнейший в архипелаге Рюкю остров Окинава расположен в трехстах милях к югу от основной части Японии и в тысяче миль от Токио. Сам по себе остров Окинава невелик, и его площадь составляет примерно сорок пять квадратных миль. Его субтропический климат можно было бы назвать очень благоприятным, если бы не постоянная угроза тайфунов — их число в этом районе достигает сорока пяти в год, и эти проявления стихии настолько же ужасны, как и часты. Почва острова каменистая, леса немногочисленны, и, за исключением периода тайфунов, с марта по сентябрь, пресной воды часто не хватало (и не хватает до сих пор). В семнадцатом веке основными культурами, выращиваемыми на острове, были сахарный тростник и сладкий картофель; мало что другое способно здесь расти, поэтому жители Окинавы, в основном, полагались в своей жизни на море, которое давало им рыбу и по которому к берегам острова подходили торговые суда. Население Окинавы в начале двадцатого века составляло примерно 120 тысяч человек.

Древняя культура Окинавы несла явные признаки матриархата. Хотя формально княжеством совместно управляли вождь и верховная жрица, войска обычно вступали в сражения во имя последней, а не вождя (ибо истинными защитниками человеческих существ считались богини); кроме того, именно верховная жрица разрешала спорные вопросы. Подобно тому как верховная жрица исполняла важнейшую роль в правящих кругах и руководила главными церемониями, старшая женщина занимала главенствующее положение в семье и отправляла основные семейные ритуалы. Такое положение женщин на Окинаве было в определенной мере подорвано проникновением конфуцианства и буддизма в пятнадцатом-шестнадцатом веках — в театрах Окинавы буддистские монахи всегда изображались отъявленными негодяями, — но, в целом, женщины здесь сохранили намного больше равноправия, чем в Китае и Японии.

Постоянно воевавшие между собой Три Царства Северной, Центральной и Южной Окинавы объединились в 1429 году под правлением Сё Хаси, основателя Династии Сё. Во времена правления Сё Сина (1477—1526) было официально установлено конфуцианство и издан запрет на владение личным оружием для простолюдинов. Благодаря доходной торговле с Китаем, Японией и Юго-Восточной Азией, Царство Рюкю процветало, пока в 1609 году в него не вторглись жестокие самураи из Сацумы, феодального поместья острова Кюсю, самого южного из относящихся к Японии

островов. Поместье Сацума было самым воинственным в Японии; соотношение числа самураев и простолюдинов в нем составляло один к трем (при среднем по стране отношении один к семнадцати).

Хотя Царство Рюкю сохранило формальную независимость, это небольшое государство медленно истощалось под двойным гнетом непрерывной дани китайскому двору и неравных торговых соглашений с сюзеренами Сацумы. Несмотря на то что они страдали материально, жители Окинавы придерживались своей богатой духовной культуры, основанной на музыке, поэзии, танце и, в целом, на праздновании жизни. Сюзерены Сацумы ужесточили запрет на личное владение оружием, а затем запретили его ношение в целях самообороны и правительственным чиновникам. Слухи о «Мирном Царстве» Рюк, дошли даже во Францию, до Наполеона, который был восхищен тем, что в какой-то стране возможно поддерживать мир и порядок без обращения к помощи оружия. Многие посетители острова в прошлом и в настоящем часто отмечали «гостеприимство, доброту и отвращение к насилию и преступлениям», обычные для жителей Окинавы.

Хотя они и не носили оружия, жители Окинавы вовсе не были слабыми и беззащитными. Однако легенда о крестьянах Окинавы, создавших каратэ, чтобы защитить себя от жестоких набегов воинственных самураев Сацумы, вряд ли имеет в своем основании реальные факты. Запрет на оружие существовал на Окинаве уже более столетия, прежде чем началось нашествие Сацумы. Впрочем, с практической точки зрения вполне закономерно то, что невооруженным полицейским необходимо было на что-то опереться для охраны населения и усмирения нарушителей спокойствия, в то время как обычные жители нуждались в каком-либо способе самозащиты от разбойников и грабителей, которые встречаются в любом, даже самом миролюбивом обществе.

С учетом того, что Окинава многие столетия пребывала в тесном контакте с Китаем, не удивительно, что «Китайская Рука» — буквальное значение слова «каратэ» — означала первоначально все основанные на китайских образцах боевые искусства, которые развивались на острове. Во время своих торговых путешествий в Китай жители Окинавы знакомились с различными формами кулачного боя; кроме того, на самом острове преподавали иммигрировавшие китайские мастера кэмпо (чжуань фу). Существуют свидетельства того, что некоторые техники сражения без оружия пришли на Окинаву из Индокитая. Большая часть приемов кулачного боя никогда не выходила за рамки уличной драки — достаточно популярного развлечения в шумных портах Окинавы.

Помимо заимствований из китайских кулачных боев, в высших слоях общества Окинавы в течение столетий постепенно возникали местные формы боевых искусств. Такие коренные системы назывались окинава-тэ, то есть «Окинавская Рука». Лишенные традиционного вооружения, жители Окинавы разработали способы, превращающие обыденные орудия, такие, как посох или серп, в смертельное оружие. Подозрительные сюзерены Сацумы потребовали даже, чтобы многочисленные орудия труда запирались на ночь в государственных складах, что заставляло земледельцев и рыбаков каждое утро приходить за своими инструментами. Существовала здесь также и форма состязательной борьбы под названием тэгуми, несколько похожая на сумо, и ею открыто занимались мужчины и подростки всех возрастов.

За исключением тэгуми, все остальные боевые искусства Окинавы практиковались в строгой тайне, чтобы избежать надзора сюзеренов Сацумы. Техники боевых искусств

считались семейным наследием и ревностно оберегались из поколения в поколение (многие с движения каратэ были остроумно, скрыты в окинавских народных (танцах, и даже сегодня некоторые школы используют народные танцы как часть обязательных занятий). Боевые искусства Окинавы никогда не получали правительственной поддержки, в отличие от практик будо на основной части Японии; на острове никогда не существовало явного класса вооруженных профессиональных воинов, подобных самураям. В прежние времена на Окинаве не было ни одного настоящего додзё — каратэ занимались по ночам, за садовыми оградами, в дремучих лесах или на пустынном берегу. Не было здесь и специальной формы одежды — обычно практикующие каратэ на Окинаве почти ничего не надевали во время тренировок. Кроме того, в противоположность Японии, где приемы боевых искусств аккуратно вносились в свитки с четким описанием их происхождения, на Окинаве почти не велось письменных записей, что сделало практически невозможным какое-либо уверенное заключение об истории местных боевых искусств.

Из сказанного выше можно понять, что как материальная культура, так и культура боевых искусств, среди которых родился Гитин Фунакоси, существенно отличалась от окружения Дзигоро Кано и Морихэя Уэсибы, родиной которых была основная территория Японии.

Гитин Фунакоси родился в столице правителя Окинавы, городе Сюри, вероятно, в ноябре 1868 года. Официальная дата его рождения — 1870 год, но в своей автобиографии Фунакоси утверждает, что это было более поздним изменением, внесенным для того, чтобы он мог принять участие в экзамене, к которому допускались только те, кто родился не раньше 1870 года. Однако на надгробии могилы Фунакоси указан 1870 год; судя по всему, Фунакоси в равной мере использовал обе даты в течение всей жизни, то есть сам не зная наверное, когда именно родился. Семья Фунакоси относилась к классу сидзоку (мелкопоместное ' дворянство). Первоначально его фамилия звучала как «Томинакоси». Его дед, известный ученый-конфуцианец, когда-то обучал членов царской семьи. К старости правительство выделило ему большую пенсию, но его расточительный сын по имени Гису, отец Фунакоси, промотал семейное состояние в азартных играх и злоупотреблении крепким напитком авамори. Фунакоси родился на два месяца раньше срока, и все ожидали, что он умрет во младенчестве; затем он был отдан на попечение обожавших его бабушки и дедушки. Он поразил всех тем, что вырос нормальным, здоровым, хотя и несколько тщедушным мальчиком. Бабушка с ранних лет обучала его китайской классической литературе, и мальчик показал себя способным и сообразительным учеником. Фунакоси появился на свет как раз в то время, когда старый порядок жестоко столкнулся с новым, и потому оказался в самом центре событий. Реформы Мейдзи на главных островах Японии достигли далекой Окинавы с большой задержкой (Правитель Окинавы был официально свергнут лишь в 1879 году), но как только появились новые законы, образовалась линия противостояния между «Партией Просвещения» и «Партией Упрямства». Аристократия Окинавы не слишком огорчалась тем, что им отказывают в привилегии ношения двух мечей, что было обычным для самураев на крупнейших островах Японии (во всяком случае, такая привилегия окинавцев ничуть не прельщала), но они были фанатично привязаны к своей одежде в стиле кимоно, а еще сильнее — к ношению косички на затылке. Эти косички (больше напоминающие по стилю те, что носили в Китае, чем на основной части Японии) были знаком отличия и благородного происхождения аристократов на Окинаве, и потеря

такого символа означала бы для них конец владычества (именно этого и хотели реформаторы Мэйдзи).

Подросток Фунакоси не особенно терзался этой проблемой, но для его семьи все это было очень серьезно, и она неуклонно поддерживала «Партию Упрямства». Семейные чувства были столь сильными, что Фунакоси пришлось отказаться от выигранной им стипендии для учебы в Токийском Медицинском Колледже — в это заведение не принимали тех, кто носил косички. Когда в 1888 году Фунакоси принял преподавательскую должность на Окинаве при том условии, что он сострижет свою косичку, разъяренные и расстроенные родители едва не отреклись от него. Однако, как писал Фунакоси, «жребий был брошен»: как для него, так и для Окинавы старый уклад навсегда канул в небытие.

Следующие тридцать лет жизни Фунакоси провел в городах Сюри и Наха (новая столица Окинавы) и в их окрестностях, работая учителем и тренером каратэ. В автобиографии он рассказывает, что освоил основы каратэ в возрасте одиннадцати лет под руководством своего одноклассника, сына мастера Ясуцунэ Адзато. Однако, согласно другим источникам, Фунакоси не занимался каратэ до двадцати лет, и его первым учителем стал Тайтэй Киндзё (1837—1917) по прозвищу «Железный Кулак», названный так потому, что он был способен одним ударом уложить на месте быка. Нет сомнений, что Киндзё был грубияном со скверным нравом, поэтому Фунакоси покинул его уже через пару месяцев. Затем он пришел к Адзато, и для него началась серьезная подготовка под руководством учителя, которого он уважал и любил. Хотя Адзато (1828—1906) был выходцем из высокородного аристократического семейства, он был стойким приверженцем «Партии Просвещения» и одним из первых представителей аристократии избавился от пучка волос на затылке. Высокий и широкоплечий, Адзато был весьма образованным человеком и знатоком многих боевых искусств — каратэ, кэндо, стрельбы из лука и верховой езды. Поскольку каратэ, по устоявшейся традиции и согласно продолженному правительством Мэйдзи запрету на Окинаве боевых искусств (как потенциальной угрозы еще не набравшему полную силу режиму), по-прежнему не занимались открыто, их уроки проходили по ночам в саду Адзато. Адзато говорил Фунакоси: «Преврати свои руки и ноги в мечи» — и безжалостно обучал его ката.

В дзю-до ката называют стандартные упражнения, выполняемые обычно с партнером, тогда как в каратэ ката обычно предназначены для индивидуального исполнения и представляет собой последовательность базовых и более сложных ударов руками и ногами, блоков и уводящих движений. Мастеру Адзато трудно было угодить, и обычно проходили целые месяцы, прежде чем он позволял Фунакоси переходить к новому ката.

После занятий Адзато часто давал Фунакоси указания о психологических аспектах каратэ. Он придерживался той позиции, что достойное поведение и хорошие манеры важны не менее, чем техника. Фунакоси был поражен подробными и точными знаниями Адзато о других мастерах боевых искусств Окинавы — как их зовут, где они живут, каковы их сильные и слабые стороны. «Секрет победы, — говорил Адзато Фунакоси, — заключается в познании самого себя и своего противника при помощи тщательной подготовки и внимательных наблюдений. Тогда тебя никогда не застанут врасплох». Адзато применял этот подход ко всем проблемам, проницательно предсказав войну между Россией и Японией задолго до ее начала.

Другим главным учителем Фунакоси был друг Адзато по имени Ясуцунэ Итосу (1831—1916), аристократ, занимавший в прежнем правительстве высокий пост. Он ушел с государственной службы в 1885 году и обучал нескольких избранных учеников у себя на дому.

Итосу был человеком среднего роста, но с очень развитой грудной клеткой, крепким, как гранит, телом и необычайно сильными руками. Даже с использованием обеих рук Адзато не мог одолеть Итосу в арм-реслинге. Итосу мог раздавить толстый ствол бамбука, сжав его в кулаке. Говорят, что раньше Итосу ежедневно посещал Императорскую Гробницу, а на обратном пути упражнялся в ударах кулаками в каменную стену, тянувшуюся вдоль дороги. Он мог насквозь пробить рукой толстую доску; ему пришлось использовать этот талант, когда приятели в шутку заперли его в сарае — он пробил в огромных воротах дыру, открыл защелку снаружи и вышел. Известный своей уравновешенностью даже при неожиданных нападениях, Итосу обычно спокойно позволял не причиняющим ему никакого вреда ударам противника обрушиваться на его тело, а потом заставлял того опуститься на колени, просто сжав его запястье рукой. Под руководством Итосу Фунакоси в течение десяти лет осваивал три базовых ката.

Кроме того, Фунакоси недолго обучался у основного наставника Адзато и Итосу — Сокона Мацумуры (1809—1901), «Окинавского Миямото Мусаси». Обладавший ростом больше шести футов и гипнотическим взглядом, Мацумура служил учителем при дворе и был главным телохранителем целого поколения правителей Окинавы. Исполняя роль царского посланника, он оттачивал свое мастерство в китайском кулачном бое в провинции Футю и освоил фехтование школы Дзигэн-рю в Сацуме. Ко всему прочему Мацумура был первоклассным ученым и каллиграфом. Его жена Цуру была не менее одаренной, чем он, и в свое время ухаживание за ней происходило не совсем обычно. Обладавшая немалым мужеством в лучших традициях Окинавы, Цуру побеждала любого мужчину в арм-реслинге, поднятии тяжестей и каратэ.

Мацумура решил, что эта девушка просто рождена для него, но Цуру отказывалась выйти замуж за того, кто не сможет победить ее. Когда Мацумура принял вызов, она нанесла ему такой чистый удар, что он не смог ему противостоять. Но этот поклонник показался ей достаточно интересным, потому она дала ему еще один шанс, и на сей раз удары оказались одновременными. В итоге Цуру была довольна, что свела поединок вничью, и вскоре они с Мацумурой поженились. (Похожую историю рассказывают о красавице Руи Сааки из Эдо. Дочь одного из вассалов Токугавы, Руи была мастером дзю-дзюцу и фехтования, и гордый отец часто говорил ей: «Никогда не забывай, что ты ничуть не хуже любого мужчины». К несчастью, он безвременно скончался, и Руи осталась единственной продолжательницей рода. Она открыла додзэ в Эдо и проводила в нем поединки со всеми поклонниками, пока однажды не встретила достойного противника. Она вышла замуж за этого человека, и он принял фамильное имя ее семьи.)

Хотя некоторые современные мастера каратэ обретают дурную славу, сражаясь с быками, эта практика, как мы уже видели, имела на Окинаве долгую историю. Однажды правитель Окинавы предложил Мацумуре попытать счастья в поединке с самым свирепым быком острова (в бое быков на Окинаве участвовали два быка, выпущенные один за другим; животных намеренно воспитывали в крайней жестокости). Мацумура принял вызов. Начиная с того же дня, каждый вечер в течение недели сообразительный мастер каратэ в одной и той же одежде проникал в загон быка и колотил его по голове

тяжелой палкой. На поединок Воина Мацумуры и Быка-Убийцы собралась огромная толпа зрителей. Бык, выпущенный из загона, бешено ринулся в центр арены, но резко остановился, увидев своего противника — человека в знакомой одежде с тяжелой палкой в руках. Испуганное животное мгновенно поджало хвост. Зрители были в восторге и прославляли Мацумуру как «Мастера, способного усмирить разъяренного быка одним лишь взглядом».

Фунакоси тренировался и у других учителей Окинавы, самым известным из которых был Каире Хигаонна (1853—1917). Хигаонна (или Тоонно) провел большую часть юности в Китае, обучаясь кулачному бою. Оттуда он привез различные виды гирь, мешков для ударов, железных башмаков и прочих подобный инвентарь, который предлагал Фунакоси для занятий каратэ. Хигаонна говорил своим ученикам: «Каратэ похоже на жизнь; если что-то преграждает тебе путь, повернись и обойди это». Судя по всему, Фунакоси познакомился и с оружием Окинавы, в частности с бо (шестифутовый шест), технике работы с которым он, скорее всего, научился от своего отца, признанного мастера этого оружия.

Помимо занятий у многих выдающихся мастеров Окинавы, Фунакоси непрерывно развивал свое тело самостоятельно. Он проводил, многие часы, укрепляя кулаки и локти с помощью макивара, доски для ударов в каратэ. Когда надвигался тайфун, Фунакоси брал толстый соломенный мат, взбирался на крышу своего дома, принимал «позу наездника» каратэ и, удерживая соломенный мат перед собой, чтобы защититься от летящих предметов, противостоял буре в открытом поединке. Ежедневно он проходил по десять-пятнадцать миль и проводил дневное время в школе, а вечернее — упражняясь в каратэ. Он поднимал тяжести и носил тяжелые чугунные башмаки; он занимался армреслингом и принимал участие в командном перетягивании каната (единственным, чем он не занимался, было плавание; он так никогда и не научился плавать, несмотря на то, что родился на субтропическом острове).

Как упоминалось выше, женщины Окинавы отличались физической силой и решительностью; исключением не была и жена Фунакоси. Семья Фунакоси, состоящая из десяти человек — четверо детей (трое сыновей и одна дочь), родители и дед с бабушкой, — не была обеспеченной, и госпоже Фунакоси приходилось заниматься окраской тканей и выращивать овощи, чтобы помочь семье сводить концы с концами. Несмотря на тяжелый повседневный труд, она начала заниматься каратэ вместе со своим мужем и очень скоро достигла почти такого же мастерства, как и он. С Фунакоси обычно тренировались несколько учеников, и, когда он по каким-либо причинам отсутствовал, госпожа Фунакоси успешно проводила занятия.

Жизнь на Окинаве представляла Фунакоси множество возможностей применить каратэ на практике. Столкновения с уличными хулиганами, буйными пьяницами и мелкими преступниками не представляли для мастера каратэ серьезной проблемы. Однажды, к примеру, он успокоил буяна, возмущавшего спокойствие на торжественном обеде. Тот помочился на Фунакоси, чтобы спровоцировать драку. Фунакоси позволил ему атаковать, хотя грубияна можно было бы отправить на землю одним лишь ударом. В конце концов задира свалился на пол в полном изнеможении, и его злость иссякла. Фунакоси не нанес ему ни единого удава и добился того, что хулиган сам победил себя. Самое серьезное происшествие с Фунакоси на Окинаве случилось, когда он со своим старшим сыном столкнулись с одной из самых крупных и ядовитых гадюк острова.

Фунакоси сохранил хладнокровие и не предоставил змее ни единого шанса на выпад; в результате он и его сын удалились целыми и невредимыми.

Самым же сложным для Фунакоси вызовом в каратэ стало улаживание споров между различными враждующими сторонами. Его очень часто призывали для разрешения спорных вопросов между учителями и учениками в местных школах; однажды полиция обратилась к нему за помощью в улаживании давнишнего спора между двумя деревушками в районе Ко-курё в северной части Окинавы. Фунакоси собрал спорящих на нейтральной территории. Атмосфера была напряженной, и конфликт мог вспыхнуть в любой момент, но Фунакоси, сохраняя трезвость рассудка, провел всестороннюю оценку ситуации и через два дня сложных и непрерывных переговоров предложил приемлемое для обеих сторон решение. Позже он писал, что именно занятия каратэ даровали ему выносливость и присутствие духа, позволившие преодолеть те препятствия, с которыми он столкнулся во время этого инцидента. Госпожу Фунакоси тоже часто приглашали для посредничества в спорных вопросах, возникавших в окрестностях ее дома.

В течение нескольких лет занятия каратэ на Окинаве постепенно становились все более открытыми. Примерно в 1892 году Итосу и несколько его учеников провели демонстрацию для Синтаро Огавы, уполномоченного члена комиссии по вопросам образования с основной части Японии, который впоследствии рекомендовал преподавание каратэ в Первой Высшей Средней Школе Окинавы и местной Школе подготовки кандидатов в офицеры. В 1901 (или, возможно, в 1902) году сам Фунакоси представил свое искусство Огаве, и в результате каратэ было включено в программу физической подготовки всех школ Окинавы. Начиная с 1906 года, публичные демонстрации каратэ стали на Окинаве обычными, и Фунакоси вместе с другими ведущими мастерами активно сотрудничали в распространении этого искусства на острове.

Каратэ Окинавы привлекло внимание военных с основной части Японии. Первые три подтвержденных кандидата в офицеры с Окинавы были учениками Итосу, и врачи, проводившие медицинский осмотр этих кандидатов, особо отметили их великолепную физическую подготовку и прекрасное здоровье. Один из кандидатов, Кэнцу Ябу, стал героем китайско-японской войны, успешно сражаясь за свою родину даже тогда, когда противники численно превосходили его подразделение в отношении десять к одному. В 1912 году на Окинаву для обучения каратэ прибыла группа военных моряков Императорского Флота.

В 1917 году Фунакоси пригласили провести демонстрацию окинавского каратэ в Бутоку-дэн, крупнейшем зале боевых искусств в Киото. Эти выступления считаются первой официальной демонстрацией каратэ вне Окинавы (еще с раннего периода Мэйдзи среди эмигрантов с Окинавы на крупнейшие острова Японии — а также на Гавайи и в Соединенные Штаты — были мастера каратэ, но, судя по всему, до выступления Фунакоси не было ни одной подобной формальной демонстрации каратэ).

Не желая принимать должность в школе в отдаленном районе, страстно стремящийся к дальнейшему распространению каратэ Фунакоси оставляет пост учителя в начале 1921 года (говорят, что за весь тридцатилетний срок своего преподавания Фунакоси ни разу не пропустил занятий по болезни; сам он приписывал свое идеальное здоровье уравновешенному питанию и каратэ). В мае того же года наследный принц Хирохито, возвращавшийся из Европы, сделал остановку на Окинаве и стал свидетелем

специальной демонстрации каратэ, проведенной группой Фунакоси в Большом Зале замка Сюри. Наследному принцу она чрезвычайно понравилась, и позже он вспоминал, что тремя ярчайшими впечатлениями от его визита на Окинаву стали прекрасная природа, фантастический Волшебный Фонтан Дракона в замке Сюри и каратэ.

Оставив деятельность в системе школьного образования Окинавы, Фунакоси приступил к созданию нескольких организаций, целью которых было распространение культуры Окинавы в целом и каратэ в частности. В мае 1922 года Министерство Образования Японии выступило в роли организатора Национальной Спортивной Выставки, в которую входили и демонстрации будо; приглашение пришло и в Ведомство Образования Окинавы. Окинавскому каратэ предстояло пройти решающую проверку на основной части Японии, и после продолжительных споров представителем Окинавы был избран Фунакоси, хотя он и не считался самым техничным из мастеров. Ему было за пятьдесят, и он был исследователем, преподавателем и блестящим общественным деятелем и оратором, потому официальные лица Окинавы заключили, что Фунакоси станет идеальным представителем.

Фунакоси самым серьезным образом готовился к этой демонстрации, свидетелями которой должны были стать представители высших классов японского общества. Посетители очень хорошо приняли его тщательно продуманные лекции, иллюстрации к которым занимали три больших свитка, и динамичные выступления. В частности, они весьма впечатлили Дзигоро Кано, и он попросил Фунакоси преподавать несколько подходящих ката в Кодокане. Впрочем, Кано уже за несколько лет до того в письмах обсуждал с Фунакоси возможность его приезда и преподавания в Кодокане, но в то время Фунакоси отверг это предложение. «Я сам все еще учусь каратэ», — ответил он.

На этот раз Фунакоси принял приглашение Кано, хотя и не без колебаний. Его поразила интенсивность тренировок в Кодокане, равно как и их количество, физическая подготовка и высокий уровень мастерства учащихся — на Окинаве не было ничего подобного. Однако преподавание Фунакоси в Кодокане протекало очень хорошо. Кано ввел несколько движений каратэ из числа используемых Фунакоси в развитые ката дзю-до и предложил Фунакоси возглавить «Отделение Каратэ» в Кодокане. Фунакоси чувствовал необходимость отказаться от этого, поскольку боялся, что каратэ будет поглощено огромным институтом Кодокан Дзю-до и превратится всего лишь в побочное искусство. Однако Фунакоси навсегда остался благодарен Кано за его добрую поддержку, и после смерти этого мастера в 1938 году Фунакоси неизменно склонял голову в сторону резиденции Кано, когда проходил или проезжал мимо Кодокана. Первоначально Фунакоси собирался вернуться на Окинаву, но после преподавания в Кодокане решил остаться в Токио. Многие выдающиеся выходцы с Окинавы (включая членов царского семейства Сё, перебравшихся в Токио после упразднения монархического правления на Окинаве в 1879 году) упрашивали его остаться в столице и представить каратэ широкой общественности. Кроме того, в Токио уже обосновался старший сын Фунакоси. По принятию решения остаться в Токио Фунакоси сочинил такое стихотворение:

Превосходная техника Южных
Морей, каратэ!
Как жаль наблюдать угрозу
искажения истинного
направления.

Кому достанет смелости
возродить каратэ в полной его
славе?
С твердостью в сердце, глядя в
лазурное небо,
я принимаю это торжественное
обязательство.

Фунакоси послал за своей женой, но ей очень не хотелось покидать родину. Как уже говорилось, женщины Окинавы отвечали за исполнение семейных обрядов; существовали и иные препятствия. Однако она поддержала решение мужа остаться в Токио, чувствуя, что там он сможет свершить нечто чрезвычайно важное.

Оставшись почти в полном одиночестве в этом незнакомом городе, Фунакоси столкнулся с труднейшим испытанием в своей жизни. Многие столетия остров Окинава был вассальным государством, и представители крупных островов Японии и, в особенности, столицы относились к жителям и достижениям Окинавы как к чему-то второсортному. Окинавцы были «иными»: у них была более смуглая кожа, они говорили на грубом диалекте и были безнадежно провинциальными. Было совсем нелегко убедить общество основной части Японии в том, что искусство Окинавы может обладать реальными ценностями — особенно то искусство, которое они считали производной китайского кулачного боя. Японская самурайская культура всегда ориентировалась больше на владение оружием, а искусство рукопашного боя считалось уделом простолюдинов. За это многие окинавцы презирали жителей основной части Японии, но Фунакоси оказался более гибким и искренне надеялся внедрить лучшие аспекты культуры Окинавы в более широкую культуру Японии.

Эта борьба обещала быть длительной и тяжелейшей. Фунакоси перебрался в Мэйсэй Дзюку, общежитие, предназначенное для студентов с Окинавы, в районе Суйдобата в Токио. Он получил во владение небольшую комнатку, которую содержал в безукоризненной чистоте. Сначала у него было очень мало учеников, поэтому у Фунакоси не было стабильных доходов. В общежитии ему приходилось совмещать работу дворника, уборщика и ночного сторожа, так что соседи, будущие ученики и журналисты, часто принимали его за служащего. Фунакоси удалось уговорить повара общежития брать у него уроки каратэ в качестве частичной оплаты питания, и даже пришлось отдать в залог те немногие дорогие вещи, что у него были.

Несмотря на столь стесненные обстоятельства, Фунакоси с помощью нескольких покровителей сумел к концу 1922 года опубликовать первую книгу по современному каратэ. Книга была озаглавлена очень просто: «Рюкю кэмпо-кара-тэ» («Кулачные приемы "китайской руки" на островах Рюкю») и иллюстрирована контурными изображениями ката. Книга начиналась с множества рекомендаций и описаний достоинств этого искусства, высказанных известными японцами (несмотря на окинавское происхождение каратэ).

1 сентября 1923 года, как раз когда Фунакоси удалось создать небольшое ядро, состоящее из десятка преданных учеников, разразилось Великое землетрясение Канто, в результате которого погибло около 100000 человек и была разрушена большая часть Токио. Общежитие Мэйсэй тоже пострадало, несколько учеников Фунакоси погибли или получили тяжелые увечья, а занятия, разумеется, были прекращены. После землетрясения Фунакоси перебивался сдельным изготовлением трафаретных надписей

для банка. На время восстановления общежития Мэйсэй Хакудо Накаяма (1874—1958), — возможно, лучший мастер кэндо в те времена, — великодушно позволил Фунакоси пользоваться в свободные часы своим додзё. Фунакоси продолжал заниматься в додзё Накаямы даже после окончания ремонта общежития Мэйсэй. Позже он снял дом неподалеку от этого додзё и жил там со своим третьим сыном Дзиго, который присоединился к нему в 1924 году.

Постепенно Фунакоси начал привлекать все большее число учеников, и в различных университетах открывались клубы каратэ. Первым университетом, в котором возник такой клуб, стал Кэйо (1924 год), и его примеру быстро последовали Такусёку, Васэда и Хосэй. Очень скоро клубы каратэ были организованы во множестве других крупных университетов, а Фунакоси начал давать уроки в нескольких военных академиях. Миниатюрного Фунакоси очень радовало то, что за советом к нему обращались даже огромные борцы сумо (хотя в сумо запрещены удары руками и ногами, но там используются атаки открытой рукой, и борцы хотели научиться более эффективным техникам толчков).

Невысокий по тем временам даже для японца, Фунакоси несколько стеснялся своего роста. В общественных местах он всегда носил деревянные башмаки на высоком каблуке. «Не для того, чтобы казаться выше, — оправдывался Фунакоси, — но чтобы развивать равновесие». Его ученики, однако, подметили, что, когда бы они ни навещали учителя в его комнате, он восседал на двух-трех толстых подушках. Он вообще был достаточно требователен к своей внешности и по утрам тратил на уход за собой не менее часа.

Фунакоси и его ученики принимали участие в двух важных демонстрациях будо, проведенных правительством в течение того десятилетия; одно состоялось в 1924 году, а второе в 1928 году (оно проводилось Императорским Хозяйственным Агентством (the Imperial Household Agency)). В 1926 году была выпущена исправленная версия учебника Фунакоси с новым названием: «Рэнтэн госин каратэ-дзюцу» {«Обучение и самозащита в искусстве каратэ»}. Каратэ уверенно продвигалось к одному из центральных мест в современной культуре будо.

Примерно в 1924 году Фунакоси ввел систему классификации, сходную с принятой в Кодокане; в ней обладатели ранга дан также носили черные пояса. Его ученики завязывали пояс впереди, но сам Фунакоси по каким-то причинам размещал его на боку, в китайском стиле. Кроме того, он выбрал форму одежды, более легкую по сравнению с используемой в дзю-до, что обеспечивало большую подвижность при исполнении ударов руками и ногами.

Хотя Фунакоси вполне заслуженно прославился как «отец» современного каратэ, поскольку он распространил это искусство в столице, Токио, и написал прекрасные популярные учебники, существовало множество других окинавских пионеров каратэ, которые сыграли существенную роль в развитии каратэ как в Японии, так и за границей. Тёкки Мотобу (1871 — 1944) прибыл в поисках работы в Осаку в 1921 году, за год до того, как в Токио обосновался Фунакоси. Подобно Фунакоси, Мотобу какое-то время обучался у Итосу, однако большая часть его мастерства каратэ была почерпнута на улицах. Мотобу был скандалистом, и его агрессивный стиль каратэ сосредоточивался на реальных сражениях — он знал совсем немного ката, а преподавал лишь одно из них. Его серьезно интересовало классическое дзю-дзюцу, и это было еще одной причиной того, что он приехал в Осаку. В первый раз, когда он проводил тестовый поединок с учителем

дзю-дзюцу, он сразил своего противника, даже не вспотев. Имя Мотобу стало известным в Осаке после того, как он одним ударом отправил на пол иностранного боксера-тяжеловеса (тогда Мотобу уже было за пятьдесят).

Впоследствии Мотобу открыл додзё в Осаке и в Токио, а также преподавал в нескольких университетах (пользуясь услугами переводчика, переводившего его окинавский диалект на стандартный японский язык). В 1926 году он опубликовал книгу по каратэ, которую назвал «Рюкю кэмпо каратэ-дзюцу: кумитэ хэн» («Искусство кулачных приемов "китайской руки" на островах Рюкю: вариант спарринга»), чтобы отличить от книги Фунакоси, посвященной, в первую очередь, ката. Мотобу был диаметральной противоположностью Фунакоси как по характеру, так и по стилю каратэ, и, судя по всему, между ними никогда не было хороших отношений. Говорят, впрочем, что с возрастом Мотобу созрел, и к концу жизни его видение каратэ как утонченного и духовного искусства стало очень близким к подходу Фунакоси. Мотобу вернулся на Окинаву перед самым началом Второй мировой войны и умер в Наха в 1944 году.

Фунакоси поддерживал более близкие отношения с Тёдзюном Мияги (1888—1953) и Кэнва Мабуни (1889—1952). Мияги, который входил в группу, проводившую в 1921 году демонстрацию для наследного принца Хирохито, был, прежде всего, учеником Каире Хигаонны, но, кроме того, работа предоставила ему возможность много раз бывать в Китае, и там он познакомился с различными формами китайского кулачного боя. Мияги особо подчеркивал связь между каратэ и философией буддизма.

Фунакоси возглавляет группу студентов университета в исполнении ката. В разработанном Фунакоси стиле Сётокан Каратэ использовалось пятнадцать ката, которые помогали развивать правильность движений, выносливость, быстроту реакции, твердость мышц и гибкость тела.

Во время своего визита на Окинаву в 1927 году Дзигоро Кано предложил Мияги и Мабуни преподавать каратэ на основных островах Японии (позже Мияги вспоминал, что, несмотря на высокое положение этого мастера дзю-до, Кано был одним из самых вежливых и деликатных людей из всех, с кем Мияги когда-либо встречался; Мияги считал Кано гигантом среди людей).

Оба мастера каратэ последовали совету Кано. Мияги впервые посетил центральные острова Японии в 1928 году и часто ездил туда потом, а в 1934 году провел нашумевший восьмимесячный обучающий курс на Гавайях (в 1932 году гавайские иммиграционные власти не разрешили Мотобу въехать в эту страну и отправили назад в Японию — скорее всего, из-за его репутации драчуна. Мияги считается основателем стиля Годзю («жесткости и мягкости») в каратэ. Он умер в Наха в 1953 году от кровоизлияния в мозг.

Мабуни, служивший первоначально в окинавской полиции, обучался у Хигаонны и Итосу. В 1928 году он приехал в Токио, к Фунакоси, но уже на следующий год перебрался в Осаку — как считают, из уважения к первенству Фунакоси: в Токио было еще слишком мало учеников для двух учителей. Как и Фунакоси, в первые годы своей

жизни на Хонсю Мабуни едва сводил концы с концами, но в 1934 году ему удалось открыть небольшой додзё и опубликовать серию брошюр, описывающих его стиль каратэ — Сито-рю. Это название указывает на соединение стилей каратэ Хигаонны и Итосу. Мабуни подчеркивал важность тщательного изучения и исполнения широкого набора ката. Считают, что ему было известно семьдесят-восемьдесят ката — больше, чем какому-либо другому мастеру. Мабуни постоянно жил в Осаке и умер в 1952 году. Еще одним иммигрантом с Окинавы на основную часть Японии был Канбун Уэти (1877—1942), основатель Уэти-рю — вероятно, крупнейшей и наиболее влиятельной современной школы каратэ на Окинаве. Уэти обучался каратэ в Вакаяме в 1925—1946 годах. Считается, что Кэнцу Ябу (1866—1937), упоминавшийся выше солдат-герой, обучал каратэ японских иммигрантов в Лос-Анжелесе и на Гавайях уже в 1920 году. Точно известно, что в 1927 году он провел на Гавайях четырехмесячные курсы обучения (в двадцатых-тридцатых годах нашего века японские иммигранты на Западном побережье США и на Гавайях все чаще становились объектами беспричинных нападений со стороны расистов; вполне понятно, что они стремились освоить дзю-до и каратэ).

Одним из самых первых учеников Фунакоси был Хиронори Оцука (1893—1982), который успел до занятий каратэ пройти подготовку у мастера дзю-дзюцу в Синдо Иосин-рю. Оцука, тренировавшийся также у Мотобу и Манибу и занимавшийся вместе с Уэсибой, основал впоследствии Вадо-рю, одну из основных школ каратэ. Масатацу Ояма (1923—1994), яркий и противоречивый создатель «сногшибательного» Кёкусинкай Каратэ, тоже одно время был учеником Фунакоси. «Мастер Фунакоси выправил меня, — говорил Ояма. — Он показал мне подлинную суть каратэ» Так или иначе, Фунакоси был связан со всеми известнейшими мастерами каратэ.

В конце двадцатых или начале тридцатых годов Фунакоси познакомился с Уэсибой. Вероятнее всего, что их познакомил либо адмирал Исаму Такэсита (1869—1949), либо Хакудо Накаяма. Фунакоси посещал специальные семинары Уэсибы и, кроме того, время от времени заходил в его додзё, чтобы обменяться взглядами на истинную природу будо.

В 1935 году Фунакоси опубликовал новую книгу. О значительных изменениях возвещало само ее название: «Каратэ-до кёхан» («Путь каратэ: наставления»). Каратэ перестало быть простым искусством — оно стало «Путем», и слова «кара-тэ» Фунакоси писал уже не как «китайская рука», а как «пустая рука».

Замена иероглифа кара-«китайский» на символ кара-«пустой» обсуждалась окинавскими мастерами уже за несколько лет до этого. Это изменение еще в 1905 году предложил мастер каратэ Тёмо Ханасиро (1869—1945), а Клуб Каратэ при Университете Кэйо использовал эту замену в 1929 году. Заявление Фунакоси помогло сделать такую замену постоянной. Разумеется, определенное влияние на внедрение этого изменения возымел японский национализм, но Фунакоси предпочитал истолковывать его как «технику пустой руки», «отсутствие эгоистичных и злых мыслей», «пустоту полого ствола бамбука, который остается прямым, гибким и неразрушимым» и «пустоту самосуществования, тождественного истине Вселенной». Помимо этого, Фунакоси заменил устаревшие произношения названий ката, большая часть которых произошла от искаженных китайских слов, на более элегантные и стандартные японские прочтения.

К 1936 году накопилось достаточно средств для создания настоящего додзё для занятий каратэ. Ученики Фунакоси называли его «Сёто-кан» в честь своего учителя — слово «Сёто», «Утомленная Волна», было одним из его прозвищ. Впоследствии стиль каратэ

Фунакоси начали чаще всего называть «Сётокан-рю», хотя он сам отвергал подобное обозначение, будучи убежденным в том, что каратэ «едино» и не должно подвергаться подразделениям на секты. С практической точки зрения, однако, различные формы каратэ каждого мастера действительно существенно отличаются по технике и общему подходу к этому искусству, и поэтому вполне естественно различать разнообразие стилей и признавать их разделение на несколько «поток» (таково исходное значение слова «рю»). Стил Сётокан стал одним из таких потоков. По иронии судьбы, стил Сёто-кан-рю стал основной движущей силой, обеспечившей распространение окинавского каратэ по всему миру, но так и не прижился на самом острове Окинава.

После открытия Сётокана, Дзиго (1907— 1945), третий сын Фунакоси, стал его главным помощником. По свидетельствам очевидцев, Дзиго, который был на три дюйма выше и почти на пятнадцать фунтов тяжелее своего отца, был человеком одаренным и необычайно сильным — макивара, доска для ударов рукой, постоянно раскалывалась под его кулаками. Несмотря на физическую силу, Дзиго был довольно болезненным. Еще в детстве, на Окинаве, он заболел туберкулезом, и ему часто приходилось прерывать тренировки из-за того, что он начинал кашлять кровью.

Мастер каратэ Гитин Фунакоси в возрасте около шестидесяти лет. Часто болевший в детстве, Фунакоси был необычайно здоровым в зрелости — как он часто напоминал своим ученикам, именно благодаря занятиям каратэ, «лучшему из лекарств».

В Сётокане Фунакоси Старшего называли «Старым Мастером», а Фунакоси Младшего — «Молодым Мастером»; эти прозвища намекали на конфликт поколений. Если во время занятий под учеником проламывались доски пола, Фунакоси Младший кричал: «Отлично! Отлично!»; Фунакоси Старший в аналогичной ситуации восклицал: «Да что с тобой? Слишком сильно! Слишком сильно!». Для отца сердцем каратэ были упражнения в ката, практическая самозащита и развитие характера: «Не техника создает человека — человек создает технику». Для менее идеалистичного сына каратэ, подобно кэн-до и дзю-до, должно было нести в себе элемент соревновательности, чтобы привлечь и поддерживать интерес молодежи. Между клубами каратэ при колледжах уже проводились соревнования, и Дзиго очень хотел, чтобы Сётокан держался в них на высоте. Старый и молодой мастера так и не смогли найти общий язык в отношении этой проблемы, ибо Дзиго умер совсем молодым; поэтому между учениками Фунакоси Старшего и Фунакоси Младшего была очень заметная разница.

В классах Фунакоси Старшего основное внимание уделялось упражнениям ката, позволявшим наиболее полно развивать все группы мышц и рефлексы. Практика

спарринга была основана на том допущении, что судьбу поединка должен решать единственный удар (иккэн хисацу); любая атака во что бы то ни стало должна отражаться, а идеалом является ее остановка захватом рукава противника. Фунакоси Старший использовал также некоторые броски и захваты и допускал вольный спарринг, но только после того, как ученик твердо осваивал основы каратэ. С другой стороны, на занятиях Фунакоси Младшего позы тела выглядели более подвижными и готовыми к стремительной атаке; при этом часто использовались удары выпрямленной ногой — элементы, имевшие значение для начисления очков на соревнованиях в вольном стиле.

Впрочем, тренировки в Сётокане были тяжелейшими независимо от того, кто именно проводил занятие. Оба Фунакоси были одержимы работой с макивара, наносили по ней многие сотни ударов в день и требовали того же от своих учеников. Ката могла выполняться учениками по пятьдесят-шестьдесят раз за одно занятие. Лишь один из десяти учеников Сётокана выдерживал подобное напряжение дольше нескольких месяцев. Тот же, кто сумел продержаться достаточно долгое время, начинал получать по вечерам специальные индивидуальные указания в доме Фунакоси — он исполнял ката, следуя требованиям и отца, и сына. Эта традиционная форма обучения каратэ возникла еще на Окинаве.

Фунакоси, работающий с макивара. Фунакоси был одержим тренировками и неутомимо разрабатывал кулаки и локти с помощью макивара, ударяя по ней сотни раз ежедневно вплоть до самого конца своей долгой девяностолетней жизни.

Фунакоси был маленького роста, но обладал очень сильными бедрами и руками.

Когда для Японии началась вторая мировая война, тренировки в Сётокане достигли интенсивности «сделай или умри». Смертельная рукопашная схватка стала реальной угрозой для любого молодого человека, которого могли призвать на фронт. Когда война приблизилась вплотную к берегам Японии, в Сётокан начали направлять и женщин, которых обучали там самозащите и сражению с деревянным мечом. Заблуждавшиеся военачальники считали, что полуголодных женщин можно научить оказывать сопротивление вооруженным до зубов американцам, если те появятся на улицах Токио. Атмосфера была зловещей, и всю страну пронизывало предчувствие неминуемой гибели.

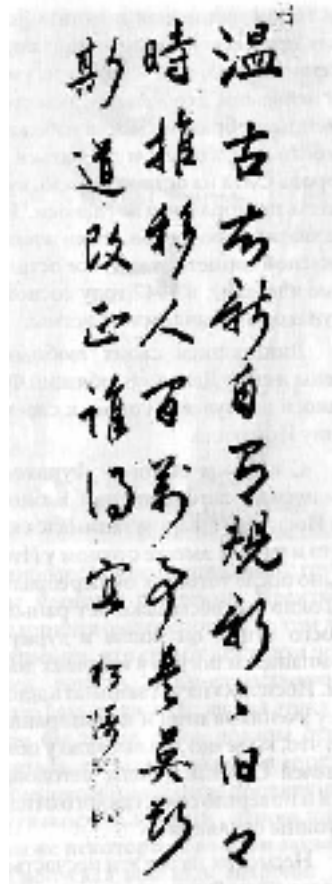
1945 год стал тяжелейшим в жизни Фунакоси. Сётокан, вершина его достижений и карьеры, был превращен в руины во время бомбежек Токио; американские войска, захватившие Окинаву, сровняли ее с землей — там погибло шестьдесят тысяч жителей, а девяносто процентов уцелевших остались без крова; шквал уничтожения пронесся над

Хиросимой и Нагасаки; в августе превращенная в руины Япония признала свое позорное поражение. Дзиго, сын Фунакоси, умер от лейкемии. Его жена сверхъестественным образом смогла избежать гибели на Окинаве и добраться до города Оита на острове Кюсю, куда затем перебрался и Фунакоси. Им не хватало продуктов, и они жили в ужасной нищете (как и все остальные японцы); в 1947 году госпожа Фунакоси скончалась от астмы.

Лишившись своих любимых жены и сына Дзиго, скорбящий Фунакоси вернулся в Токио, к своему сыну Иосихидэ.

С первым сыном у Фунакоси были сложные отношения. В юности Иосихидэ с жаром занимался каратэ и учился вместе с отцом у Итосу, но после того, как он перебрался в Токио (на несколько лет раньше своего отца), он попал в дурную компанию и погряз в игорных долгах. Иосихидэ начал занимать деньги у учеников отца и не возвращал их, что, конечно же, вызвало у обитателей Сётокана волну негодования и повергло совестливого отца в глубины отчаяния.

Несмотря на все эти несчастья, после войны Фунакоси удалось восстановить разрушенное Сётокан каратэ. В 1949 году была образована Японская Ассоциация Каратэ (каратэ было единственным боевым искусством, не запрещенным оккупационными властями на том основании, что оно представляло собой просто вид бокса, а не национальное будо), и Фунакоси стал его Главным Советником. Он продолжил свою преподавательскую деятельность, по-прежнему проводил занятия в своем университете и додзё и образовал несколько новых клубов.

Каллиграфия, сделанная Фунакоси: «Трепетно относиться к старому и учиться понимать новое. Старое, новое — это лишь вопрос времени. В бесчисленных делах сохраняя ясность разума. Путь открывается тому, кто обещает пройти его истинно и правильно». Этот фрагмент текста подписан прозвищем Фунакоси: «Сёто» — «Утомленная Волна». В мазках кисти проявляются черты характера Фунакоси: глубокая утонченность и спокойная сила.

Однако теперь все было иначе. После войны Фунакоси признавался, что он «стал болезненно относиться к едва различимому духовному состоянию современного каратэ». И в восьмидесятилетнем возрасте Фунакоси продолжал уделять особое внимание выполнению ката и этике каратэ, но его классы очень плохо посещались; посещение было бы еще худшим, если бы не было обязательным для обладателей белых поясов. Молодых учеников интересовали соревнования и очки, набранные с помощью производящих впечатление приемов. Им не хотелось погружаться в самые основы и выслушивать постоянные предостережения старика, пусть даже этот старик обладал непревзойденным пониманием истинного значения каратэ.

Фунакоси сформулировал свои взгляды на это искусство в «Двадцати Принципах Каратэ»:

1. Никогда не забывай, что каратэ начинается и заканчивается уважением. Человек должен уважать учение, своих товарищей-учеников; человек должен обладать почтением и уважением к жизни. «Уважение» является одним из тех качеств, которые отличают человеческое существо от грубого животного.

2. В каратэ нет первой атаки.

Этот широко известный афоризм Фунакоси высечен на его надгробии. Принцип следует понимать как в буквальном («При необходимости сражаться блокируй удары своего противника, но не атакуй в ответ; пусть он сразит самого себя»), так и в переносном смысле («Терпение и сила духа — признаки настоящего мастера каратэ»).

3. Каратэ воспитывает праведность. Когда человек честен перед собой, это приносит благо всему обществу.

4. Познай сперва себя, затем других.

Фунакоси научился этому правилу у Мастера Адзато: «Если ты хорошо знаешь себя и своего противника, ты никогда не потерпишь поражение».

5. Важна не столько техника тела, сколько техника разума.

Это еще один вариант правила: «Не техника создает человека — человек создает технику».

6. Позволь своему разуму странствовать свободно.

Этот совет мастер дзэн Такуан (1573—1645) дал фехтовальщику Ягю Мунэнори (1571 — 1646). Если человек позволил своему разуму остановиться, он теряет способность реагировать. Идеалом является свободный, широкий и подвижный разум.

7. Невнимательность и небрежность приводят к неудачам.

Большинство несчастных случаев в жизни происходят из-за недостаточной наблюдательности или из-за лени. Поэтому занимающийся каратэ должен быть бдительным. Фунакоси рекомендовал развивать осторожность, приближаясь к углам и поворотам, открывая двери и даже используя палочки во время еды, никогда не опускать сигнального флажка своего внимания.

8. Никогда не считай, что каратэ занимаются только в додзё. Весь мир — огромный додзё, и подлинные занятия каратэ протекают двадцать четыре часа в сутки.

9. Каратэ занимаются всю жизнь. К концу своей жизни восьмидесятилетний Фунакоси сказал, что совершенствовал некоторые движения каратэ в течение шестидесяти лет: «И только тогда мне наконец-то удалось уловить их основную идею!» Говорят, что даже на смертном одре Фунакоси продолжал прогонять перед своим внутренним взором ката, пытаясь улучшить их выполнение.

10. Все, с чем ты сталкиваешься, есть аспект каратэ; найди в нем изумительную истину.

Вторую часть правила можно перевести и так: «Каратэ есть острие жизни».

11. Каратэ подобно кипящей воде: если ты не поддерживаешь сильный огонь, она становится прохладной.

Фунакоси говорил своим ученикам: «Каждый пропущенный день занятий перечеркивает положительные результаты трех дней тренировок».

12. Не думай о победе; думай о том, чтобы не потерпеть поражение. Существует огромная разница между желанием победить любой ценой и нежеланием потерпеть поражение. Первое стремление приводит к опрометчивым поступкам и самоуничтожению; второе воспитывает здравый смысл и осмотрительность действий.

13. Действуй согласно с действиями противника.

14. Проводи поединок в соответствии с естественной стратегией. Это означает, что, сталкиваясь с атакой, занимающийся каратэ должен действовать естественно, изменяясь и приспосабливаясь к своим противникам и никогда не позволяя им приспособиться к себе.

15. Считай свои руки и ноги острыми мечами. Это означает не только то, что их следует превратить в смертельное оружие; практикующий каратэ должен осознавать свои поразительные потенциальные возможности.

16. Выйди наружу — и ты встретишь десять тысяч врагов. Еще один афоризм, подчеркивающий необходимость постоянной бдительности, при которой ничто не воспринимается как данность.

17. Начиная обучение, осваивай различные стойки, но затем полагайся на естественность позы. Для новичка очень важно овладеть различными стойками — они являются «кирпичиками» каратэ. Однако в конце концов опытный ученик должен превзойти любые традиционные стойки и использовать ту позу, которая наиболее естественна и удобна для него.

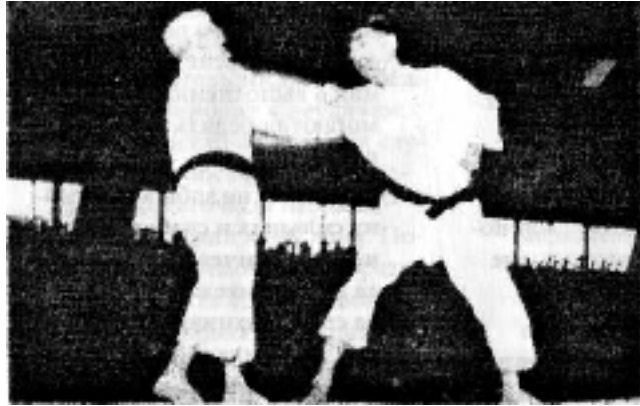
18. Ката всегда нужно исполнять правильно; реальный поединок — совсем иное. Ката возникли как средство развития различных мышц тела, определенных рефлексов и выносливости. Многие — быть может, большинство — из движений ката никогда не применяются в реальном поединке, но именно упражнения в выполнении ката помогают победить в таком поединке.

19. Никогда не забывай о своих сильных и слабых сторонах, ограничениях своего тела и относительности качества своей техники. Это еще раз напоминает о том, что хорошее знание себя прокладывает путь к настоящей победе.

20. Постоянно оттачивай свой разум. «Оттачивание» означает здесь непрерывный поиск природы вещей; такое стремление захватывает человека целиком и представляет собой сосредоточенное усилие, устраняющее любые умственные и физические препятствия, встречающиеся на пути.

Фунакоси признавался, что однажды он сам нарушил одно из этих правил. Вечером, незадолго до окончания войны, старый мастер направлялся домой по пустынной дороге. Его остановил грабитель, потребовавший денег и сигарет. Когда Фунакоси ответил, что у него нет ни того, ни другого, грабитель выхватил у Фунакоси зонтик и попытался ударить его. Фунакоси легко уклонился от атаки, схватил нападавшего за мошонку и крепко удерживал его, пока не появилась полиция. Грабитель, очевидно, был «любителем»; Фунакоси предполагал, что это был отчаявшийся безработный ветеран, и очень сожалел, что не попытался разрешить ситуацию, не прибегая к применению силы.

После войны многие иностранцы просили разрешения на изучение каратэ. Когда один американский офицер попросил Фунакоси провести демонстрацию каратэ, мастер ответил (с помощью переводчика): «Я буду очень рад сделать это, но вначале вы должны подать письменное прошение и подтвердить согласие явиться на демонстрацию в парадной военной форме. Разумеется, я тоже буду в официальной японской одежде». Иными словами, каратэ не предназначено для развлекательных представлений — это настоящее искусство.

Восмидесятилетний Фунакоси, исполняющий молниеносный контрудар во время демонстрации. Движение руки размыто, но стойка Фунакоси устойчива и тверда. (Фотография любезно предоставлена архивом Уэзерхилла.)

Мировой интерес к каратэ стремительно возрос в пятидесятых годах. В 1953 году восьмидесятилетний Фунакоси со своими лучшими учениками провел тур обучения на американских базах стратегического авиационного командования. В 1954 году вышел показанный по всему миру фильм «Каратэ-До», сопровождавшийся дикторским текстом на английском языке и включавший краткий рассказ о Фунакоси. Последователи Фунакоси из Сётокана — в частности, Масатоси Накаяма (1913—1987) — постепенно распространили учение Фунакоси и каратэ по всему миру.

Фунакоси прожил почти девяносто лет. Он приписывал свое долголетие и отменное здоровье занятиям каратэ — «лучшему из лекарств» — и чистоте жизни. Он никогда не курил, редко выпивал, зимой и летом спал на тонком матрасе под одним одеялом и ежедневно принимал ванну. В автобиографии, написанной за несколько лет до смерти, Фунакоси выглядит довольно моралистичным пуританином, но его ученики рассказывали в своих воспоминаниях, что в часы досуга старый мастер каратэ был довольно дружелюбным и разговорчивым и часто подшучивал над их амурными историями.

Фунакоси скончался 26 апреля 1957 года. Его долгая и плодотворная жизнь стала воплощением добродетелей Сётокан Каратэ: смелости, учтивости, целостности, скромности и самоконтроля.

Морихэй Уэсиба (1883—1963)

Хотя Морихэй Уэсиба появился на свет уже в современную эпоху, более чем через двадцать лет после рождения Дзигоро Кано, он воплотил в себе черты фантастической личности, напоминающей об Эпохе Богов.

Уэсиба родился в поселении Танабэ в префектуре Вакаяма. Танабэ расположен в нескольких сотнях миль к югу от Осаки, на побережье Тихого океана, и возле него начинается паломническая тропа, ведущая к сокровенным горам Кумано. Эти священные

горы почитались с самого рассвета истории Японии; они усыпаны древними синтоистскими святилищами, волшебными буддистскими храмами, загадочными пещерами и священными водопадами. Первоначально эта область называлась «Провинция Кии», и практикующие японский вариант фэн-шуй утверждают, что поток космической энергии достигает в этих местах большей силы, чем где-либо еще в стране. В течение многих столетий в горах Кумано скрывались колдуны, кудесники и воины-монахи, посвятившие свою жизнь аскетическим упражнениям и познанию тайн мироздания. Легенды о многочисленных чудесах передаются в народном фольклоре этой местности из поколения в поколение.

Вот пример типичной легенды гор Кумано. Однажды утром буддистский монах шел по дремучему лесу и услышал небесное песнопение, доносящееся из-за деревьев. После продолжительных поисков он обнаружил, что эти неземные звуки исходили из глубин незаметной пещеры. Войдя в пещеру, монах увидел останки скелета горного отшельника, сидевшего в позе медитации. Однако язык аскета все еще дрожал, а его уста источали изумительные слова древних сутр.

Юки Уэсиба родила уже трех дочерей, и она и ее муж Иороку страстно молились, чтобы небеса даровали им сына. Боги гор Кумано откликнулись на их молитвы 14 декабря 1883 года (позже у них родилась еще одна девочка). Хотя мальчик, которого они называли Морихэем, родился крепышом — его дед и отец славились своей физической силой, — он был небольшим (возможно, из-за преждевременных родов) и довольно болезненным младенцем. Несмотря на то что в будущем ему суждено было явить сверхчеловеческую физическую силу, телосложение Уэсибы на протяжении всей его жизни оставалось достаточно хрупким.

Будучи одним из старейших и наиболее влиятельных семейств в Танабэ, клан Уэсиба владел в этом районе крупными участками земли, равно как и правами на собирание раковин вдоль части побережья залива. Иороку более двадцати лет был членом совета поселения. Мать Уэсибы, Юки, занималась искусствами и литературой и была очень благочестивой. Каждый день она поднималась в четыре часа утра, чтобы успеть посетить богослужения в главных храмах поселения до начала трудового дня. Когда Уэсибе исполнилось пять лет, она начала брать его с собой в это ежедневное паломничество. Мать очень любила рассказывать сыну волшебные истории о святых с гор Кумано.

Уэсиба был ненасытно любопытным ребенком с фотографической памятью. Как и в случае Кано и Фунакоси, его образование началось с изучения китайской классической литературы. Поскольку его учителем стал монах-синтоист, помимо китайских текстов Уэсиба изучил также обряды эзотерического буддизма. Уэсиба быстро уставал от сухих доктрин Конфуция, но полюбил богатые тексты Сингон. Юный Уэсиба был очарован зрелищем ритуала огня и звучанием мистических песнопений Сингон и нередко повторял слова различных мантр во сне. Он овладел также методами визуализации Сингон, во время которых человек мысленно призывает какое-либо божество, а затем пытается слиться с этим образом. С юных лет видения стали центральной частью его внутренней жизни.

Кроме того, Уэсиба интересовался книгами по математике и другим наукам и часто был поглощен экспериментами, которые придумывал сам. Побоявшись, что его сын превратится в «книжного червя» и заядлого мечтателя, Иороку предоставил ему возможность заниматься сумо, продолжительной ходьбой (навык, необходимый для

посещения горных храмов) и плаванием. Океан простирался в каких-то двух-трех минутах ходьбы от дома Уэсибы, и в течение своей жизни в Танабэ Уэсиба выработал для себя правило ежедневно бывать у воды: ребенком он купался и ловил рыбу острогой, а юношей — совершал религиозные омовения. Большую часть детства он провел на свежем воздухе — у океана, в полях и в горах. Так он научился понимать и ценить как блага, так и устрашающую силу природы. Когда однажды ночью на его отца напала группа бандитов, нанятых политическими противниками, Уэсиба открыл для себя кое-что новое о человеческой природе — человек должен быть достаточно сильным для того, чтобы суметь дать отпор грубой силе.

Он любил книги, обожал учиться, но терпеть не мог классные комнаты. Слишком нетерпеливый и непоседливый для многочасового затворничества в помещении, в первый год учебы он упрашивал родителей забрать его из средней школы. Потом он изучал в специальном учебном заведении соробан («счёты»), где получил возможность заниматься в собственном ритме. Проявив свои способности к вычислениям, уже через год он выполнял там обязанности помощника учителя. Примерно в 1900 году его приняли на должность бухгалтера в местное налоговое управление.

Однако вскоре после того, как Уэсиба получил это место, он включился в деятельность, направленную против недавно принятого закона о регуляции рыбной ловли. Уэсиба считал, что этот закон ставит в невыгодные условия местных сезонных рыбаков, которым, чтобы сводить концы с концами, приходилось заниматься и земледелием, и рыбной ловлей. В знак протеста он оставил свою должность, присоединился к демонстрантам и стал одним из лидеров группы, противодействующей новому уложению. Это чрезвычайно расстроило отца Уэсибы, которому, как члену совета поселения, необходимо было внедрять новое законодательство.

Удрученный тем, что движение протеста постепенно угасло, Уэсиба мучительно искал нового занятия. Семья решила, что ему поможет перемена обстановки, отец снабдил его деньгами, и девятнадцатилетний Уэсиба отправился весной 1902 года в Токио.

В столице он несколько месяцев помогал хозяину одной лавки, а затем торговал канцелярскими и школьными принадлежностями с ручной тележки. Вечерами он занимался дзю-дзюцу в Тэнсин Синьё-рю и, возможно, фехтованием в Синкагэ-рю. Эти тренировки не продолжались очень долго, но даровали Уэсибе намек на его истинное призвание — путь воина духа.

Бизнес Уэсибы процветал, и он смог нанять нескольких помощников. Однако потом он заболел бери-бери — без сомнения, болезнь была вызвана многочасовым трудом и скверным питанием; после этого он передал дело своим работникам, не потребовав при этом выплаты своей доли. Вернувшись в Танабэ, в октябре 1902 года он женился на Хацу Итогава, своей дальней родственнице по линии матери.

Вот-вот готова была разразиться война между Россией и Японией, и Уэсиба понимал, что скоро его могут забрать в армию. Чтобы восстановить свое здоровье и укрепить тело, он разработал жесткую программу тренировок. Он проводил долгие часы в горах, упражняясь с мечом; он носил на своей спине больных и немощных паломников весь двадцатимильный путь к Святилищу Кумано, совмещая при этом акт милосердия с тренировками. Чтобы выработать силу рук, он работал на рыбацких лодках; подобно Фунакоси, Уэсиба выходил в море во время тайфуна и проверял свои силы в борьбе со штормовыми волнами и неистовыми порывами ветра. Очень скоро его физическое

состояние стало великолепным, но Уэсибу пугало, что его не возьмут в армию из-за невысокого роста.

Уэсиба был не таким маленьким, как Фунакоси⁹, но его рост составлял всего пять футов полтора дюйма⁹. Поскольку минимальный рост, допустимый для военнообязанных, равнялся пяти футам двум дюймам¹⁰, Уэсиба не прошел первичный медицинский осмотр. Многие молодые люди с облегчением избегали военной службы, но Уэсиба был не из таких. Он хотел пойти в армию, он желал быть командиром, он страстно мечтал стать героем. Вознамерившись попасть в пехоту, этот решительный юноша начал упражняться в висах на ветвях деревьев с привязанными к ногам тяжестями, чтобы выпрямить свой позвоночник.

Его настойчивость была вознаграждена, он прошел вторичный осмотр и был направлен в резервные части, расположенные под Осакой. Вернувшись из Токио, Уэсиба продолжил практиковать Сингон-буддизм, и его учитель, монах Мицудзё Фудзимото (скончался в 1947 году), провел специальный ритуал огня, когда Уэсибу приняли в армию. В завершение церемонии Мицудзё одарил Уэсибу сингонским знаком «Печати Обретения». С этого начался продолжительный ряд мистического опыта Уэсибы: «Я почувствовал себя так, словно ангел-хранитель поселился в самом сердце моего существа». Хотя жизнь в Императорской Армии была чрезвычайно грубой и тяжелой, Уэсибе нравилась строгая военная дисциплина. Он становился первым добровольцем на любую задачу, пусть даже самую неприятную, вроде чистки отхожих мест. Во время марш-бросков он помогал отстающим нести их поклажу, успевая при этом оказаться в первых рядах на финише. Кроме того, он приобрел необычайную сноровку в штыковом сражении. В течение армейских лет Уэсиба превратил себя в тэцудзина — «железного человека», — и его вес составлял 180 фунтов¹¹.

В то время он записался в додзё Масакацу Накаи, расположенное в Сакае, одном из пригородов Осаки, и занимался там в дни увольнений. Накаи был выдающимся мастером боевых искусств и преподавал Ягю-рю дзю-дзюцу в сочетании с приемами фехтования мечом и копьем. Позже Накаи познакомился с Дзигоро Кано, который давал ему высочайшую оценку и, предположительно, мог быть его учеником (по некоторым свидетельствам, однажды в Осаке состоялись состязания между учениками Накаи и воспитанниками Кодокана, в которых победили «накайцы»). Уэсиба прилежно занимался у Накаи и еще одного учителя по имени Цубой; в 1908 году эта школа выдала ему свидетельство о праве преподавания Гото-ха Ягю-рю дзю-дзюцу.

К 1904 году русско-японская война набрала полную силу, но Уэсиба по-прежнему оставался в резервных частях. Он требовал, чтобы его отправили на фронт, и в 1905 году его перевели в подразделение, отправлявшееся в Маньчжурию. Неизвестно, насколько близко к фронту служил Уэсиба. Его отец тайно написал несколько писем в военное ведомство, в которых просил, чтобы его единственного сына держали подальше от передовой; таким образом, маловероятно, что Уэсиба участвовал в рукопашных схватках.

Так или иначе, но Уэсиба вернулся с войны живым и невредимым. Учитывая его задор, неудивительно, что несколько командиров рекомендовали ему поступать в Школу офицерской подготовки. Дослужившийся до звания сержанта, Уэсиба всерьез

⁹ 156 сантиметров. — Прим. перев.

¹⁰ 157,5 сантиметров. — Прим. перев.

¹¹ Почти 82 килограмма. — Прим. перев.

рассматривал эту возможность, но его отец твердо возражал против такого шага. В результате Уэсиба уволился из армии и вернулся домой в Танабэ.

Следующие годы стали для него настоящим испытанием. Ему по-прежнему необходимо было найти свое место, и вскоре начал сказываться груз незнания цели своей жизни. Склонный к приступам острой тоски, Уэсиба мог на многие часы запереться в своей комнате и молиться, а мог, никого не предупредив, на несколько дней исчезнуть в лесах; семья начала беспокоиться за его душевное здоровье. Отец выстроил на принадлежащей семейству территории небольшой додзё и предложил сыну тренироваться, чтобы избавиться от подавленности. Это немного помогло, а в 1909 году Уэсиба попал под благотворное влияние Кумакусу Минакаты (1867—1941).

Уэсибу всегда привлекали необычные люди, а Минаката был эксцентриком мирового уровня. Он был одним из первых японцев, пересекавших океан, жил в Соединенных Штатах, в Вест-Индии, а потом обосновался в Англии и читал лекции о Японии в Кембридже. После восемнадцати лет, проведенных за границей, Минаката вернулся в 1904 году на родину в Танабэ и немедленно вступил в полемику по «Закону о местах поклонения». Правительство Мэйдзи собиралось подчинить себе как можно больше таких мест, чтобы потом присвоить земли мелких святилищ для «развития». Минаката, который был широко известен и как естествоиспытатель, неистово противостоял этому закону, прекрасно понимая, что результатом станет уничтожение красоты природы этого района, за которым неизбежно последует и угасание народной культуры Вакаямы. Минаката и Уэсиба объединились и возглавили движение протеста, которое завершилось довольно успешно — была конфискована лишь пятая часть святилищ Вакаямы, а Танабэ лишился только шести из сотни своих мест поклонения.

Борьба за правое дело улучшила состояние духа Уэсибы, а Минаката помог ему подняться в собственных глазах еще выше. Уэсиба осознал, что не сделает себе будущего в Танабэ. Этот район был слишком гористым для еще одной рисовой плантации, а гавань была заполнена рыбацкими лодками ровно настолько, сколько она могла вместить и сколько допускалось законами. Большинство безработной молодежи уже отправилось на поиски более плодородных пастбищ; некоторые из них добирались даже до Гавайев и Западного побережья Соединенных Штатов. Поэтому, когда распространились призывы к добровольцам о переселении на самый северный из крупных островов Японии, Хоккайдо, Уэсиба решил стать одним из пионеров.

В 1910 году, после предварительной поездки на Хоккайдо и осмотра острова, Уэсиба вернулся домой с уверенностью в том, что эти девственные земли чрезвычайно многообещающи. В течение следующих двух лет ему удалось набрать группу из восьмидесяти четырех человек, готовых пуститься в рискованное путешествие к Сиратаки, плодородному и богатому пресной водой району Хоккайдо, который Уэсиба присмотрел во время своего первого осмотра. Группе вполне хватало энтузиазма, но не необходимых ресурсов, и неизменно щедрый отец Уэсибы выделил денежные средства для всей команды. Они отплыли на Хоккайдо 29 марта 1912 года (жена Уэсибы, родившая в 1911 году их первенца, дочь, должна была перебраться к мужу несколько позже).

Район Сиратаки расположен в самом центре крупного острова Хоккайдо, и путешествие к нему от мягкой климатом Вакаямы оказалось совсем непростым. Из-за задерживающих движение снежных буранов группа добралась туда лишь во второй декаде мая. Быть пионером — тяжелое занятие, и первые три года в Сиратаки были для

поселенцев очень сложными. Урожаи были скудными, климат суровым, а помощь извне — недоступной. Группа перебивалась дикими горными овощами, орехами и речной рыбой. После начального периода постоянной нужды повысился доход от лесозаготовительных работ, усовершенствовались навыки земледелия, и на месте лагеря возникла настоящая деревня.

Уэсиба, воодушевленный борьбой с трудностями, ни разу не падал духом; он всегда оставался основной движущей силой всей колонии. Он был талантливым организатором, способствовал началу лесозаготовительных работ, выращиванию мяты и свиноводству, и активно занимался общественной деятельностью, сформировав медицинские и санитарные бригады; другими словами, он выполнял роль члена совета поселения. В 1916 году сильный пожар уничтожил восемьдесят процентов всех сооружений и стал настоящим несчастьем для колонистов, но, благодаря неутомимым усилиям Уэсибы, проект заселения Хоккайдо стал, в конечном итоге, чрезвычайно успешным.

Уэсиба продолжал отправлять религиозные обряды, и в первую очередь, мисоги — ритуальные омовения холодной водой, что было настоящим подвигом в условиях ледящего холода Хоккайдо. В это время его упражнения в боевых искусствах заключались, в основном, в борьбе с огромными бревнами, которые он рубил специально уравновешенным тяжелым топором — говорят, что однажды Уэсиба умудрился самостоятельно свалить и обтесать пятьсот деревьев за один сезон. Он непременно участвовал в любых импровизированных состязаниях по сумо и в поединках с использованием деревянных штыков. Иногда ему случалось сталкиваться с разбойниками, но подобные встречи не представляли никакой угрозы для человека с таким опытом в боевых искусствах, какой был у Уэсибы. Пару раз ему доводилось встречаться с большими медведями острова Хоккайдо, но ему каким-то образом удавалось умиротворить этих зверей. Уэсиба был очень высокого мнения о собственных силе и мастерстве — до тех пор, пока не познакомился с Сокаку Такэдой, Великим Мастером Дайто-рю.

Если бы Сокаку Такэда (1860— 1943) жил сейчас, он вполне мог бы стать величайшим мастером боевых искусств современности. Возможно, ни Кано, ни Фунакоси не могли бы сравниться с Такэдой, который обрел свою устрашающую мощь в непрерывных поединках как в додзё, так и на улицах по всей Японии. Такэда родился в Айдзу, на родине самых свирепых самураев страны. Его отец Сокити (1819— 1906) был чемпионом по борьбе сумо, а также мастером искусств владения мечом и копьем, и Сокаку с самого детства учился боевым искусствам на земляном полу семейного додзё. Даже после краха феодального строя, за которым в 1868 году последовала реставрация Мэйдзи, Такэда вел себя, как воин старой закалки. Он отправился в длительное путешествие и обошел всю Японию вдоль и поперек, обучаясь и вступая в поединки с лучшими мастерами будо, но и не упуская случая проверить свои силы в схватках с теми, кто бросал вызов ему.

В течение нескольких лет после реставрации правления Мэйдзи в стране царило беззаконие и беспорядки, и у Такэды было множество возможностей проявить свою храбрость в столкновениях с бандитами и грабителями. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем наказание разбойников, немалое число которых погибло от ранений после встречи с ним. В 1877 году Такэда попытался присоединиться к повстанцам Кюсю, возглавляемым Сайго Такамори. Этот план расстроился, ибо

мятежники были разгромлены еще до того, как Такэда успел записаться в их ряды, но он провел два года на Кюсю и в Окинаве, оттачивая свою технику в поединках с местными мастерами каратэ (поскольку в то время занятия каратэ все еще сохранялись в глубокой тайне, большинство из этих поединков проводилось под видом уличных драк). Некоторые источники утверждают, что Такэда даже заплатил за «экскурсию» по опасным портам Гавайев.

Время от времени Такэда возвращался в Фукусиму для изучения под руководством Таномо Сайго (1872— 1923) секретных техник осики-ути, хранимых кланом Айдзу. Таномо обучал этим приемам и своего приемного (по некоторым утверждениям, незаконнорожденного) сына Сиро Сайго, сыгравшего столь важную роль в Кодокане в первые дни его существования. Доподлинно неизвестно, что именно входило в искусство осики-ути (оно все-таки было секретным), но, несомненно, учение осики-ути было основано на самурайской этике и техниках боевых искусств. В результате Такэда объединил основные элементы осики-ути с техниками, почерпнутыми из его беспримерного практического опыта в классических будо и реальных схватках, и сформировал новое направление, которое назвал Дайто-рю айки-дзюцу.

Такэда вел жизнь странника, держался в стороне от цивилизации и скитался по отдаленным районам Северной Японии. Если бы он обосновался в крупном городском районе вроде Токио или Осаки, вокруг него могла бы сформироваться организация, сравнимая по размерам и влиянию с Кодоканом. Учитывая, что большую часть своей жизни он преподавал в области, известной как «японский Тибет», поразительно то огромное число выдающихся офицеров и правительственных чиновников, которые были учениками Такэды. Американский президент Теодор Рузвельт, об энтузиазме которого по отношению к дзю-дзюцу уже упоминалось, узнал о выдающейся удали Такэды от одного американца, на долю которого выпало несчастье встретиться с Такэдой в поединке. После этого один из учеников Такэды по имени Хара был приглашен для преподавания в Соединенные Штаты (к сожалению, никакие другие подробности неизвестны).

Сам Такэда избегал публичной известности, отгораживался от окружающего мира, поэтому многие детали его биографии остаются неизвестными. Он не имел серьезного образования и часто изрекал еретические мысли: «Представление о том, что будо и глубокая образованность имеют для самурая равную ценность, является полной чушью. Книжное образование совершенно бесполезно!» Он страдал болезненной подозрительностью и заставлял своих учеников пробовать его еду и питье, чтобы убедиться, что они не отравлены. Такэда был сложным и требовательным человеком.

Несмотря на это, его успехи в незаконных схватках привели к тому, что он стал очень популярен как инструктор в отдаленных полицейских участках, помогавший им бороться с опасными разбойничьими бандами. Таланты Такэды имели особое значение на Хоккайдо, который в те времена очень напоминал американский «дикий Запад» — огромные неосвоенные пространства, наводненные теми, кто был не в ладах с законом. Хотя Такэда жил на Хоккайдо еще с 1910 года, Уэсиба встретился с ним только в 1915 году. (Хоккайдо оставался базой Такэды до 1930 года. Он женился на храброй девушке, которая была на тридцать лет моложе его, родила ему семерых детей и, кроме того, исполняла роль помощника учителя в Дайто-рю. Она трагически погибла во время пожара в 1930 году.)

Уэсибу представил Такэде Кэнтаро Иосида (1886—1964), еще один довольно необычный человек. Он был известным сторонником правых сил и одно время жил в США — предположительно, в качестве шпиона. Занятия Дайто-рю проводились на постоялом дворе в Энгару, крупнейшем поселке этого района. Как только Уэсиба увидел Такэду в действии, он тут же загорелся желанием учиться у него и записался сразу на десятидневный курс.

Такэда не унаследовал телосложение от своего отца, чемпиона по сумо. Он был невысоким (ниже пяти футов) и довольно худым. Его выдающиеся способности были основаны на совершенной технике, безупречном чувстве времени, контроле над разумом и владении энергией Ки. Ки является ключевым элементом будо; это неиссякаемый источник энергии и физической силы. Такэда мог одолеть любое число атакующих благодаря использованию айки, тонкого смещения положительной и отрицательной энергий. Уэсиба был восхищен мастерством Такэды и, как только прошел первый курс, немедленно записался на еще одну десятидневку. С этого времени Уэсиба обучался у Такэды при любой возможности, сопровождал учителя во всех поездках и часто приглашал погостить в своем доме.

Когда Такэда останавливался в доме семьи Уэсиба, Морихэй вставал в 2.30 утра, чтобы приготовить своему наставнику ванну. Затем он разводил камин, чтобы согреть комнату Такэды, и принимался готовить завтрак. Уэсиба провожал Такэду в ванную, кормил его завтраком, а потом в течение часа делал ему массаж. Взамен Уэсиба получал частные уроки, которые были настолько же безжалостно суровыми, насколько неопределимыми по своей важности.

Перебравшись на Хоккайдо, Уэсиба получил огромную пользу. Испытание первопроходца, заключавшееся в том, чтобы сделать нечто из ничего, ободрило и закалило его. Он достиг успехов в земледелии и предпринимательстве и проявил себя ответственным гражданином. В тяжелых условиях неосвоенных пустошей он расцвел и обрел необычайную физическую силу и выносливость. Он учился будо у лучшего мастера боевых искусств во всей стране. Но, несмотря на все это, Уэсиба никак не мог успокоиться; его всегда манило нечто большее, чем обычный материальный достаток или доблесть в боевых искусствах. Он стремился к чему-то более глубокому, к цели, более возвышенной. В декабре 1919 года он получил телеграмму, извещавшую, что его отец смертельно болен. Уэсиба подарил свой дом Такэде, разделил с ним недвижимость и имущество и навсегда покинул Хоккайдо.

Уэсиба вернулся в Танабэ не сразу. Что-то потянуло его в Аябэ, штаб-квартиру Омото-кё. Омото-кё было одной из «новых религий», возникших в период смут и перемен, катившихся по Японии во второй половине девятнадцатого и начале двадцатого веков. Новые религии имели, по большей части, мессианский характер. Что касается Омото-кё, то его возглавлял «Будда, Которому Суждено Прийти» — Онисабуро¹² Дэгути (1871 — 1947).

Из всех колоритных личностей, с которыми Уэсиба познакомился за свою насыщенную событиями жизнь, Дэгути был, несомненно, самым обаятельным и неоднозначным. Религия Омото-кё была создана Нао Дэгути (1836— 1918), очень бедной крестьянкой, которая стала шаманом. Онисабуро женился на дочери Нао, Суми, и в конце концов встал во главе организации, видоизменив ее по собственному представлению. Для

¹² В другом прочтении — Ванисабуро. — Прим. ред.

Дэгути — который утверждал, что провел семь дней, скитаясь по безбрежным просторам Вселенной и встречаясь со всеми божествами, известными человечеству, — этот образ заключался в агрессивных пророчествах, элегантной эстетичности и чрезмерной пышности.

Возможно, именно надежда на чудо, способное спасти его умирающего отца, заставила Уэсибу принять участие в богослужении, проводимом в главном зале Омото-кё. Во время службы перед ним возник образ отца, худая и прозрачная фигура. Неожиданно к Уэсибе подошел Дэгути и спросил: «Что ты видел?» «Моего отца, — ответил Уэсиба. — Он был таким...» «С ним все будет в порядке, — заверил его Дэгути. — Не беспокойся».

Уэсиба оставался в Аябэ еще семь дней, изучая Омото-кё, и чем больше он узнавал, тем больше захватывала его эта новая религия. К тому времени как он вернулся в Танабэ, его отец уже умер. Его родственники были очень огорчены тем, что он прибыл так поздно.

Морихэй Уэсиба в возрасте тридцати восьми лет в период преподавания будо в штаб-квартире Омото-кё в Аябэ. Уэсиба переехал туда в 1920 году, чтобы учиться под руководством синтоистского шамана Онисабуро Дэгути (все фотографии Морихэй любезно предоставлены Киссёмару Уэсибой).

Отец скончался мирно и спокойно и оставил сыну такие последние слова: «Не ограничивай себя; живи так, как тебе хочется жить». Услышав эти слова, Уэсиба схватил свой меч и ушел в горы.

В юности Уэсиба часто скрывался в горах в минуты горя и проводил там целые дни, яростно рассекая мечом воздух. После смерти отца он размахивал им настолько неистово, что в полицию начали поступать просьбы арестовать «человека с мечом». К счастью, начальник полиции в свое время служил под его началом в армии и узнал обезумевшего от горя Уэсибу, так что тот избежал ареста. Через некоторое время он немного успокоился, но, когда он объявил о своем намерении переехать в Аябэ и примкнуть к секте Омото-кё, семья решила, что он потерял рассудок. У Уэсибы уже было двое детей (сын родился на Хоккайдо), и его жена ожидала третьего ребенка. Кроме того, теперь Уэсибе необходимо было заботиться и о матери. «Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что боги призывают тебя? — допытывалась жена Уэсибы. — Разве боги станут платить тебе зарплату?» Но Уэсиба был непреклонен, и в начале 1920 года вся семья переехала в Аябэ.

Почему Уэсиба так увлекся Дэгути — понять легко. Его всегда влекли, в первую очередь, духовные ценности, а не боевые искусства, а Омото-кё представляло собой плодородную почву для продвижения к цели «полного пробуждения». Дэгути разработал несколько эффективных методик медитации и мощные заклинания, основанные на теории кототама («дух-звук»). Кроме того, он внушал своим последователям, что «искусство есть основа религии», — целью Омото-кё было превращение любой обыденной деятельности в творчество. В человеке поощрялась любая творческая активность: поэзия, пение, каллиграфия, гончарное дело, ткачество и приготовление пищи. Еда в Аябэ была домашнего приготовления, свежая и естественная. Теология была космической: все религии произошли из единого источника, а все нации мира рано или поздно тесно сольются друг с другом. Еще более важным было то, что Уэсиба и Дэгути были настроены на одну и ту же духовную «волну»; Уэсиба был освобожден от различных организационных забот и обладал свободным временем, достаточным для того, чтобы довести свое особое искусство до уровня полной зрелости.

Дэгути верил, что подлинным предназначением Уэсибы является распространение по всему миру истинного смысла будо. На территории секты был выстроен додзё, и тридцатилетний Уэсиба начал обучать будо членов Омото-кё. Однако первый год, который семья Уэсибы провела в Аябэ, вовсе не был счастливым. В 1920 году от болезней умерли оба сына Уэсибы, а затем, в феврале 1921 года, в Аябэ нагрянули правительственные агенты.

Японские власти давно установили бдительный надзор за Дэгути. Хотя в те времена в Японии было очень много проповедников, претендовавших на роль мессии, к большей части из них правительство относилось как к безобидным «чокнутым». Но с Дэгути дела обстояли иначе: он сплотил вокруг себя большое число влиятельных последователей, образовал всенациональную сеть преданных членов Омото-кё и даже начал выпускать собственную газету, с помощью которой широко распространял свои радикальные идеи. Он был блестящим оратором и прекрасно оформлял свои выступления, и, хотя угроза того, что Дэгути сможет свергнуть правительство и провозгласить себя императором, была призрачной, раздраженное правительство решило не оставлять ему никаких шансов. Дэгути был обвинен в покушении на престол, арестован и признан виновным. Через четыре месяца его освободили под залог, но, пока он был в тюрьме, штаб-квартира Омото-кё была разгромлена и сожжена государственными чиновниками. Неустрашимый Дэгути начал восстановительные работы, как только вышел из заключения.

«Первый инцидент с Омото-кё» не очень затронул Уэсибу. Он был недавним членом секты и не успел попасть под правительственный надзор; кроме того, перед переездом в Аябэ он весьма предусмотрительно закупил трехлетний запас риса, и это позволило его семье выжить в период преследований. В июне 1921 года родился третий и единственный выживший сын Уэсибы — Киссёмару.

В конце апреля 1922 года в Аябэ приехал Такэда с женой и другими членами семьи. Приглашал ли Уэсиба Такэду или же тот приехал к Уэсибе по собственному почину, остается предметом споров; так или иначе, Такэда провел у него четыре месяца, обучая его Дайто-рю айки-дзюцу. Такэда не понравился Дэгути с первого взгляда; «От этого человека пахнет кровью и насилием», — сказал Дэгути. С другой стороны, Такэда тоже не скрывал своего презрения к верованиям Омото-кё. Он покинул Аябэ в сентябре, выдав Уэсибе диплом полноправного учителя Дайто-рю.

Уэсиба продолжил преподавание и занятия в Аябэ и проводил долгие ночи на свежем воздухе, упражняясь с мечом и копьем: он развесил на ветвях деревьев, окружавших додзё, мячи, сделанные из губки, и с их помощью быстро достиг совершенства в работе с копьем. Помимо обязанностей учителя будо, Уэсиба отвечал за урожаи обширных фруктовых садов Омото-кё. Его день начинался в три часа утра — он вставал так рано, чтобы успеть собрать удобрения и поработать на огороде.

В феврале 1924 года Дэгути вместе с Уэсибой, выполнявшим обязанности его телохранителя, и еще несколькими членами секты тайно покинули Японию и предприняли «Великое Монгольское путешествие». Дэгути, который всегда стремился к самым вершинам, мечтал о создании в Монголии «рая на земле». Японские агенты, действовавшие в Китае, поддерживали Дэгути; они были уверены в том, что им будет легче достичь контроля над Монголией, если сердца местных жителей будут предварительно завоеваны какой-нибудь обаятельной религиозной фигурой. Хотя Дэгути прекрасно понимал, что правые заговорщики пытаются использовать его в собственных целях, он был уверен, что сможет обернуть любую ситуацию в свою пользу и основать «Мирное Царство» или «Новый Иерусалим» и не станет послушной куклой в играх колониального правительства.

В Китае Дэгути и его группа объединились с Яно, шпионом и вооруженным курьером и предводителем китайской банды по имени Лу. Дэгути объявил себя «Далай-ламой Восходящего Солнца», и вся группа отправилась в Центральную Монголию. Монголы уже были знакомы с понятием «рай на земле» — они называли его «Шамбала», — и, поскольку они верили в пришествие спасителя мира Будды Мироку, безукоризненно играющий свою роль Дэгути произвел настоящую сенсацию среди благочестивых монгольских буддистов. Отношение же к группе Дэгути со стороны местных феодальных князей, разбойничьих банд и китайской армии было совсем не таким теплым, и их группа часто попадала под обстрелы. К счастью для Уэсибы, он был наделен волшебным шестым чувством, которое позволяло ему предугадывать направление пуль. Хотя Уэсибе довольно легко удавалось избегать угрозы огнестрельного ранения, ему все же пришлось принять участие в нескольких рукопашных схватках не на жизнь, а на смерть. К концу путешествия жизни людей из группы Дэгути все чаще подвергались опасности, и Уэсиба просиживал ночи рядом с Дэгути, защищая своего учителя.

Увы, время для основания рая на земле еще не пришло. Лу и все 130 членов его банды были взяты в плен китайскими войсками и казнены. Японских «агитаторов» связали и привели на то же залитое кровью место для казней. Дэгути и его группа пропели прощальные стихи и хладнокровно ожидали своей участи. Но по каким-то причинам китайские стрелки замешкались, а затем смертный приговор был отменен — было решено передать группу Дэгути в распоряжение японского консульства. В июле 1924 года Дэгути и Уэсиба невредимыми вернулись в Японию.

Там Дэгути был арестован за нарушение залогового обязательства, но Уэсиба мог свободно вернуться в Аябэ. Блуждая по бескрайним и загадочным равнинам Монголии, Уэсиба постоянно смотрел в лицо смерти, а от его руки погибло множество свирепых головорезов. Под воздействием такого искаженного опыта Уэсиба стал совсем другим человеком. Занимаясь с еще большим напряжением, чем прежде, Уэсиба вооружал своих учеников настоящими острыми клинками и требовал, чтобы они вполне серьезно пытались ранить его. Близкие Уэсибы могли ощущать, как вокруг него бушует пугающая

сила; иногда, когда он входил в комнату, в ней начинали трястись предметы. В этот период Уэсиба часто странствовал по окрестностям и заходил на юг до самого Кумамото; судя по всему, он провел определенное время в суровом аскетизме ямабуси у водопада Нати в горах Кумано.

Весной 1925 года в додзё Аябэ явился флотский офицер, известный своим мастерством в кэндо. Во время беседы с Уэсибой у них возникли разногласия в тонких вопросах будо, и Уэсиба предложил офицеру попробовать уязвить его деревянным мечом. Взбешенный таким поведением, которое он счел просто наглостью, офицер стал свирепо размахивать мечом. Невооруженный Уэсиба избегал самых быстрых ударов и молниеносно реагировал на каждый выпад. Когда совершенно измученный офицер сдался, Морихэй вышел в сад, чтобы умыть лицо холодной водой и собраться с мыслями.

Проходя между деревьями, он почувствовал, как под его ногами задрожала земля, и в тот же миг его окутало золотым светом. Окруженный этим светом со всех сторон, Уэсиба потерял чувство пространства и времени, а затем все вдруг стало чистым и ясным. «Я видел чудо, — говорил он позже, рассказывая об этом событии, — и достиг просветления — чистого, покоряющего эго, мимолетного и несомненного. В одно мгновение я познал природу сотворенного: путь воина заключается в проявлении божественной любви, духа, который пронизывает и питает все сущее. Слезы благодарности и счастья катились по моим щекам. Я увидел всю Вселенную как свой дом; солнце, луна и звезды стали моими близкими друзьями. Исчезла какая-либо привязанность к материальным предметам».

После этой потрясающей трансформации Уэсиба начал проявлять неслыханные способности: он мог переносить огромные валуны, делать прыжки невероятной длины и уклоняться от любых нападений — всегда и везде. Естественно, что такие поразительные подвиги привлекли внимание людей и вне Омото-кё.

Молодой мастер дзю-до по имени Нисимура, заинтересовавшийся учением Омото-кё, приехал в штаб-квартиру Аябэ и встретился с Дэгуги. Узнав, что Нисимура является старшиной Клуба Дзю-до при Университете Васэда, озорной руководитель Омото-кё сказал: «У нас тут есть один парень, который хвастается, что он — лучший мастер боевых искусств во всей Японии. Почему бы вам не показать ему настоящее дзю-до и не научить парочке действительно неплохих приемов?» Нисимура, крупный и сильный молодой человек, которому лишь недавно исполнилось двадцать, едва сдерживался от издевки, когда его познакомили с Уэсибой. «Что? Этот неотесанный деревенский парень считает, что он лучший в Японии? Да я его в порошок сотру!» — думал он. Двинувшись к Уэсибе, Нисимура внезапно осознал, что каким-то необъяснимым образом уже оказался сидящим на полу. В очередной раз вскакивая на ноги, он бросался на Уэсибу, но результат был одним и тем же. Когда Нисимура заметил, что на лице Уэсибы сияет добрая улыбка, он был просто восхищен: «Какое это чудо — боевое искусство, в котором тебя бросают на пол с улыбкой!».

Нисимура рассказал об Уэсибе своим друзьям, и вскоре повсюду распространились слухи о «волшебнике из Аябэ». Осенью 1925 года адмирал Исаму Такэсита (который покровительствовал Кано и Фунакоси, а теперь и Уэсибе) организовал в Токио демонстрацию для избранной группы высокопоставленных сановников. Эта демонстрация стала настоящим потрясением. Уэсиба внушил собравшимся подлинное благоговение, когда, помимо прочего, проткнул копьем несколько 125-фунтовых мешков с ирисом и начал разбрасывать их, не выронив при этом ни единого зернышка. В

результате его пригласили провести трехнедельные курсы обучения во дворце Аояма, на которых занимались мастера дзю-до и кэндо самого высокого уровня.

Хотя этот семинар прошел чрезвычайно успешно, официальные лица запретили участие Уэсибы в каких-либо организованных государством мероприятиях по причине его тесной связи с неблагонадежным Дэгути. Оскорбленный подобными намеками, Уэсиба вернулся в Аябэ. Однако Дэгути убедил его в том, чтобы он расстался с Омото-кё и начал двигаться своим собственным, уникальным путем. Он напомнил Уэсибе: «Подлинным предназначением твоей жизни является распространение по всему миру истинного смысла будо».

В 1926 году адмирал Такэсита уговорил Уэсибу вернуться в Токио. Он быстро обрел последователей среди военных и богачей. Но именно тогда у Уэсибы начались проблемы со здоровьем, и он страдал от болезней желудка и печени. Уэсиба ненадолго вернулся в Аябэ, чтобы восстановить силы, и уже через полгода вернулся в Токио — на этот раз навсегда. Семья перебралась к нему в сентябре 1927 года.

С 1927 по 1931 год Уэсиба преподавал в нескольких импровизированных додзё — один из них представлял собой перестроенную бильярдную в загородном доме, владельцем которого был Дукэ Симадзу. Учениками Уэсибы были высокопоставленные военные и морские офицеры, аристократы и состоятельные бизнесмены. Многие из этих учеников приводили тренироваться своих дочерей, так что в додзё обычно присутствовали и женщины. Уэсиба поражал воображение выдавших виды токийцев. Однажды на военной базе он сражался с целым взводом, в котором было около сорока человек, и разбросал всех по очереди в считанные секунды. Все больше и больше людей испрашивали разрешения учиться у него.

Однако многим все еще трудно было поверить, что Уэсиба вообще существует. Однажды один газетчик по имени Исии пришел на тренировку в додзё в Мите. Больше никого на занятии не было, и во время тренировки Уэсиба принес в зал копье. Он предложил Иска из всех сил метнуть это копье в него: «чтобы я мог показать тебе, как отражать такие атаки». Исии заколебался: «Что если оно все же попадет в Вас, и Вы погибнете? Здесь нет ни одного свидетеля, и меня просто обвинят в убийстве». «Не волнуйся, — убеждал его Морихэй. — Ничего не случится». Но Исии так и не смог заставить себя сделать это, так что испытания не произошло.

Другие, впрочем, не особенно колебались, проверяя Уэсибу. Генерал Миура, ученик Сокаку Такэды и герой русско-японской войны (его грудь пронзили штыком, но он все равно смог отразить нападение множества вражеских солдат в рукопашной схватке), в поединке с Уэсибой провел смертельную атаку, но быстро оказался на полу, лишенный возможности двигаться. Искренне извинившись за свою самонадеянность, Миура немедленно попросил взять его в ученики.

Ученики Уэсибы помогали создавать репутацию своему удивительному учителю. Женщины преисполнялись восхищения, слушая рассказы о миниатюрных девушках, обращающих в бегство опасных насильников. После того как самые невысокие и легкие ученики Уэсибы начали побеждать борцов сумо и мастеров дзю-до, последние устремились к Уэсибе, чтобы побольше узнать о его стиле будо.

Вечно стремящийся к знаниям Дзигоро Кано, много слышавший об Уэсибе от своих учеников в Кодокане, попросил у него демонстрации. В октябре 1930 года Кано посетил временный додзё в Мэдзиро и был ослеплен выступлением Уэсибы: «Это мой идеал будо; это подлинное, настоящее будо». Кано неустанно объяснял своим ученикам

в Кодокане, что ключом теории дзю-до является следующее: «Когда партнер подходит, встречай его; когда он отходит, провожай его». Уэсиба говорил своим ученикам то же самое, и он практически продемонстрировал подобное мужество, независимо от применяемой по отношению к нему атаки. После демонстрации Кано отправил Уэсибе восхищенное письмо и попросил его позаниматься с несколькими лучшими учениками Кодокана.

Уэсиба (слева) демонстрирует технику айки с помощью Иосими Ионэкавы (родился в 1910 году). Уэсиба очень ценил приемы, исполняемые в положении сидя; он считал, что они разрабатывают мышцы ног и бедер лучше, чем любые другие упражнения. Эта фотография относится к целой серии снимков, сделанных в Номе Додзё в 1936 году, когда Уэсибе было пятьдесят три года.

У Уэсибы тренировалось множество воспитанников Кодокана, и часть из них даже полностью переключилась на Рю дзю-дзюцу Уэсибы, как когда-то называлось его искусство (еще его называли Айки-будо). Один из них, Тэцуо Хоси (скончался в 1947 году), обладатель шестого дана в дзю-до, даже вернул свое свидетельство Кодокану, когда перешел к Уэсибе. «Я не чувствовал приложения какой-либо физической силы, — рассказывал он своим друзьям, — но постоянно оказывался растянутым на мате». Чрезвычайно целеустремленному в учебе Хоси однажды чуть не удалось заставить Уэсибу врасплох. Уэсиба показывал ему некоторые базовые движения айки, и Хоси внезапно схватил его и попытался провести бросок. Уэсиба сориентировался во мгновение ока и нейтрализовал атаку. Он не был рассержен на Хоси — в конце концов, тот был опытным мастером боевых искусств, готовым воспользоваться любой слабостью противника, — скорее, Уэсиба был раздосадован тем, что позволил самому себе расслабиться. Из этого случая Уэсиба почерпнул очень важный урок: «Даже со своим учеником ты не должен распускаться и терять бдительность» (во время Второй мировой войны недисциплинированный и беспринципный Хоси тренировал свою технику на военнопленных и позже был осужден как военный преступник).

В 1931 году в районе Вакамацу-тё в Токио был построен постоянный додзё и жилые помещения для Уэсибы. В течение следующих десяти лет Кобукан («Зал Величественных Боевых Искусств») превратился в кипучий центр бурной деятельности. Ранней весной в Кобукане несколько недель гостил Сокаку Такэда, но после этого пути Уэсибы и Такэды окончательно разошлись. Уэсиба начал принимать в Кобукан постоянных, живущих при школе учеников (ути-дэси), хотя и был весьма разборчив в выборе кандидатов. Потенциальному ученику нужны были рекомендации двоих хорошо известных Уэсибе покровителей, после чего он проходил не очень приятное собеседование с самим мастером. На таких собеседованиях кандидату предлагалось

атаковать Уэсибу «любым способом», после чего ученик неизбежно пролетал не меньше десяти футов по воздуху и шлепался на мат.

Из-за разборчивости Уэсибы число «внутренних» учеников в этот период никогда не было большим — обычно около десятка человек, живущих прямо в додзё, и еще столько же из ближайших окрестностей. Говорят, что Кано сказал Уэсибе: «Вы поступаете очень правильно. Кодокан стал очень большим, и я уже не могу его контролировать».

В Кобукане было также несколько примечательных постоянных учеников-женщин. Самой выдающейся из них была Такако Кунигоси (родилась в 1909 году). Она прославилась тем, что состязалась на равных с самыми крупными и сильными учениками-мужчинами, такими, как Риндзиро Сирата (1912—1993). Сирата, ути-дэси Кобукана, который обычно принимал всех претендентов, появляющихся в отсутствие Уэсибы, признался очаровательной мисс Кунигоси: «Мне никогда не встречался более трудный противник». Такако делала рисунки для первого руководства Уэсибы «Будо Рэнсю», которое распространялось в 1933 году в узких кругах (другая книга Уэсибы, которая называлась «Будо» и была иллюстрирована фотографиями, была опубликована в 1938 году).

Уэсиба стал учителем будо для элиты страны. Он преподавал во всех главных военных академиях Токио, давал уроки членам императорской семьи (сам Император не занимался боевыми искусствами, но его братья учились у Уэсибы) и часто ездил в Осаку, обучая там полицейских и военных. В Кобукане занималось множество богачей, и, кроме их внушительных пожертвований, Уэсиба регулярно получал от государства жалованье, сравнимое с окладами министров.

В конце 1935 года правительство вновь набросилось на Омото-кё, исполненное на сей раз решимости заставить Дэгути замолчать раз и навсегда и прекратить подрывную деятельность его последователей. Во время первой облавы было арестовано больше пятисот членов Омото-кё; был выписан и ордер на арест Уэсибы. Хотя связи Уэсибы с Омото-кё ослабели после того, как он перебрался в Токио, он по-прежнему возглавлял ассоциацию Дай-Нихон Будо Сэн-ё Кай, основанную в 1932 году для поощрения изучения боевых искусств среди членов Омото-кё. Кроме того, несколько активных членов Сакура Кай, ультранационалистической группировки молодых офицеров, организовавших в 1931 году заговор, целью которого было свержение правительства, однажды использовали в качестве места своего съезда Кобукан.

Подобные компрометирующие обстоятельства привели к тому, что еще с 1925 года, когда он начал преподавать в Токио, за Уэсибой был установлен тайный надзор. Уэсиба не был вовлечен ни в один из секретных планов, тайно разрабатываемых в его окружении, но все же офицеры департамента полиции Киото настаивали на том, чтобы его взяли под стражу. Когда происходила облава, он находился в Осаке, и, к счастью для Уэсибы, начальник полиции Осаки Кэндзи Томита (скончался в 1977 году) был одним из его учеников. Томите удалось упротить полицию Киото, чтобы они не арестовывали Уэсибу без более детального расследования, а другой его ученик, который был начальником полиции городка Сонэдзак, спрятал Уэсибу в своем доме. В Токио зять Уэсибы Киёси Накакура (родился в 1910 году) сжег на случай обыска все бумаги и предметы, связанные с Омото-кё, которые хранились в додзё и в доме Уэсибы. Накакура боялся, что его тесть придет в ярость, узнав об уничтожении свитков и других бумаг, написанных рукой Дэгути, но Уэсиба ничего не сказал ему, когда вернулся в Токио.

Судя по всему, сам Дэгути заявил властям, что Уэсиба не был членом внутреннего ядра организации Омото-кё, и после напряженного периода неопределенности Уэсиба вновь смог вернуться к публичному преподаванию. Существует множество фантастических рассказов об Уэсибе, относящихся к этому периоду, и самой невероятной из них является история «Испытания на стрельбище».

Существовал безупречный свидетель этого поразительного случая, некий Годзо Сиода (1915— 1994). Скептически настроенный Сиода не относился к пастве Омото-кё и всегда очень критически воспринимал все, что слышал об Уэсибе. К примеру, Сиода постоянно пытался застать своего учителя врасплох (что поощрялось самим Уэсибой). Во время долгих тренировочных атак Уэсиба вручил Сиоде свой железный веер и сказал: «Если ты сможешь ударить меня этим, когда я буду спать, я выдам тебе полноценное свидетельство учителя». Когда бы Сиода ни заметил, что Уэсиба задремал, он подкрадывался к нему и готовился к удару; но каждый раз, в самый последний миг, Уэсиба внезапно открывал глаза: «Сиода! Боги подсказали мне, что ты хочешь ударить меня по голове. Ты ведь не собираешься сделать что-то подобное, правда?».

Однажды на демонстрацию в Кобукан явилась группа снайперов. Когда Уэсиба узнал, кто они, он вызывающе заявил: «Я неуязвим для пуль». Вполне понятно, что стрелки были оскорблены и потребовали от него доказательства этого утверждения. Уэсиба согласился подписать письменное заявление, освобождающее снайперов от какой-либо ответственности в том случае, если он будет ранен или убит, и они договорились о встрече на военном стрельбище. Сиода уже не раз воочию убеждался в поразительных способностях своего учителя, но позже признался, о чем думал тогда: «На этот раз он зашел слишком далеко. Похоже, пришло время готовиться к похоронам Мастера Уэсибы».

В день испытания жена Уэсибы умоляла его бросить эту затею. Уэсиба попросил ее не волноваться и отправился на стрельбище с совершенно беззаботным видом. Там он спокойно встал у мишени, расположенной примерно в семидесяти пяти футах^{13*} от стрелков. Когда снайперы прицелились и выстрелили, несколько из них немедленно свалились на землю, а Уэсиба, целый и невредимый, необъяснимым образом очутился позади них. Все присутствующие онемели от неожиданности, а затем потребовали от Уэсибы повторить это чудо. «Конечно», — согласился он и вновь подошел к мишени в семидесяти пяти футах от линии стрельбы. Понимая, что происходит нечто сверхъестественное, Сиода внимательнейшим образом следил за фигурой Уэсибы. Раздались выстрелы, стрелки зашатались, а смеющийся Уэсиба вновь стоял позади всех. Сиода не смог заметить ровным счетом ничего.

На обратном пути Сиода спросил учителя: «Как, черт возьми, вы это сделали?» Уэсиба загадочно ответил: «Моя земная задача еще не завершена, поэтому ничто не может убить меня. Мой срок придет, как только я достигну своей цели. Но до тех пор ничто не способно повредить мне» (описанное выше чудо чем-то напоминает сотворенное Иисусом, который, «прошед посреди них, удалился»¹⁴).

Возможно, из-за того, что времена были такими беспокойными, Уэсиба нередко становился одержимым богами гнева. У него был взрывной характер, и подобные вспышки ярости устрашали самых сильных людей — каким-либо образом провинившись, постоянный ученик Кобукана проводил целый день с головой,

¹³ 23 метра. — Прим. Перев.

¹⁴ Лука. 4:30. — Прим. автора.

преклоненной к полу в знак глубокого раскаяния. Однажды поздней ночью в додзё Уэсиба внезапно пришел в бешенство и начал неистово размахивать деревянным мечом; ученик отскочил в сторону и замер от ужаса, увидев, как Уэсиба отсек голову большой крысе, которая подобралась к пище, принесенной в жертву на алтарь додзё. Затем Уэсиба отругал своего ученика за непростительную невнимательность и леность. К счастью, вспышки гнева Уэсибы рассеивались так же быстро, как возникали, и он принимался успокаивать своих учеников: «Не принимайте близко к сердцу. Это были боги, выражающие свое краткое неудовольствие».

Уэсиба демонстрирует невероятную силу айки, будучи уже восьмидесятилетним старцем. Однажды профессиональный японский бейсболист из всех сил ударил бейсбольной битой по деревянному мечу в вытянутой руке Уэсибы. Бейсбольная бита отлетела в противоположном направлении, тогда как меч Уэсибы даже не шелохнулся.

В 1938 году, после того как Морихэй избежал полицейского преследования организации Омото-кё, умер Кано, и Уэсиба стал главным учителем будо в Японии. Его ученики занимали многие высокие посты в правительстве и военных кругах. Кроме того, он стал тесно связан с японской администрацией Манчжоу-го — марионеточным правительством, установленным в Маньчжурии в 1932 году; Уэсиба часто преподавал там и в конце концов стал Первым Советником по Боевым Искусствам при правительстве Манчжоу-го.

В 1937 году в Китае развернулись крупномасштабные военные действия, а в 1941 произошло нападение на Перл-Харбор (ходят слухи, что эта бомбежка, спланированная Имперским Военным Флотом, была основана на принципе иrimi-тэнкан Айки-Будо — захват инициативы и окружение врага, начиная с тылов). Говорят, что в 1942 году Уэсибу отправили с секретной миссией мира в Китай, в надежде, что благодаря своим обширным связям и высокому авторитету среди военных и гражданских лидеров, Уэсибе удастся достичь мирного соглашения между Китаем и Японией. К сожалению, все его усилия ни к чему не привели, и война неотвратимо неслась к своей ужасной развязке.

Война принесла Уэсибе огромное напряжение. Он выражал недовольство жестокостью и невежеством многих представителей вооруженных сил, а позже признавался своим ученикам, что испытывал отвращение к необходимости преподавания в Академиях шпионажа и военной полиции. Насилие и разрушения войны представляли собой полную противоположность задаче выражения цели истинного будо: воспитания и содействия жизни. В 1942 году Уэсиба, воспользовавшись, в качестве оправдания, своей болезнью, оставил все государственные должности и переехал на свою ферму в Иваме.

Участок земли в Иваме — деревушке, расположенной примерно в двух часах пути по железной дороге от Токио — Уэсиба приобрел еще в 1938 году. В течение всей жизни Уэсибу подпитывало, прежде всего, пребывание под бескрайним небом, прогулки вдоль океана или занятия среди горных вершин. Он не был горожанином и всегда тяготел к деревне, свежему воздуху и чистому образу жизни — особенно в тот период, когда ему приходилось жить в переполненном людьми и бетоном Токио. Уэсиба и его жена перебрались подальше от сражений, в небольшую хижину, выстроенную на его участке. Однако он был совсем не равнодушен к тем ужасным страданиям, которые выпали на долю всей Азии. Несколько раз за это время он был смертельно болен, как в прямом, так и в символическом смысле. Чтобы восстановить здоровье и приспособиться к условиям обновляющейся Японии, он начал заниматься тем, что ныне называют айки-до — «Искусством Мира».

В августе 1945 года Япония капитулировала. Хотя весь Токио лежал в руинах, Кобукан додзё остался невредимым благодаря героическим усилиям Киссёмару, сына Уэсибы. Однако оккупационные власти запретили все виды боевых искусств (за исключением каратэ, как уже упоминалось ранее), и организация Кобукан была распущена. Уэсиба продолжал пребывать в уединении в Айки-Гарден в Иваме — занимался садоводством, молился и готовился представить миру искусство айки-до.

Обстановка в Японии после поражения в войне была зловещей. Многие бывшие ученики Уэсибы погибли в боях, а те, кто выжил, были слишком заняты вопросами выживания, чтобы тратить силы и время на тренировки. В токийском додзё обосновались бездомные бродяги (говорят, что некоторое время это здание использовалось оккупационными частями как танцевальный зал). Но в 1948 году, когда Япония начала восстанавливаться, Уэсиба и его последователи вновь объединились и основали организацию Айкикай. Вскоре был снят запрет на будо, и около 1950 года начались регулярные занятия айки-до.

Во всем устанавливался новый порядок, и величественная точка зрения Уэсибы на айки-до как на несоревновательное искусство, воспитывающее духовное и физическое совершенство, была идеальным подходом. Уже через несколько лет после окончания войны началось обучение нового поколения целеустремленных учеников, и в течение пятидесятих годов искусство айки-до было представлено всему миру; организационными вопросами занимались сам Уэсиба и его сын Киссёмару. В первой половине того десятилетия японские учителя внедрили айки-до во Франции и на Гавайях, и уже к середине пятидесятих годов в токийском додзё постоянно занимались представители самых разных стран со всего земного шара.

Первая публичная демонстрация айки-до проходила на крыше одного из универсальных магазинов Токио в сентябре 1955 года. Это было достаточно примечательное событие, поскольку до этого Уэсиба отказывался выступать для публики. Это было правилом всех старых учителей. Когда Фунакоси отправил своего сына Дзиго назад, на Окинаву, для изучения специальных ката, местный учитель не начинал занятия, пока все окна додзё не были прикрыты ставнями. Подобным же образом, Хакудо Накаяма занимался специальными приемами с мечом в четыре часа утра, когда в додзё царил полумрак и никто не мог бы подсмотреть секреты мастера.

Каллиграфия, выполненная Уэси-бой: «Небесная любовь». Почерк кисти идиосинкритичен, загадочен и неподражаем — в полном соответствии с характером Уэсибы.

Киссёмару переубедил отца, сказав ему, что люди должны увидеть изящную действенность айкидо во плоти, после чего восхитительные выступления Уэсибы стали украшением многих демонстраций айки-до. В отличие от Кано и Фунакоси, после которых осталось немного наглядных документальных свидетельств, существует множество фильмов, запечатлевших Уэсибу в действии, включая очень четкие фотоснимки, сделанные еще в 1935 году. В 1958 году Уэсиба снялся в документальном фильме под названием «Свидание с приключением», снятом двумя американскими операторами, а чуть позже, в 1961 году, он стал главным героем документальной ленты, снятой Японской национальной телесетью.

Уэсиба любил путешествовать и с удовольствием навещал новые додзё, образующиеся в подразделениях его школы во всех концах Японии. Но для его учеников, как до-, так и послевоенного периода, путешествие вместе с Уэсибой становилось настоящим испытанием. В поездке его спутник не мог расслабиться и потерять бдительность ни на секунду. К примеру, Уэсиба настаивал на том, чтобы его доставляли на вокзал по меньшей мере за час до отправления поезда. Иногда он мог отказаться садиться в поезд, поскольку «чувствовал, что что-то не так». Или же его спутнику, нагруженному поклажей и необходимостью покупать билеты, приходилось играть в пятнашки со своенравным и быстроногим мастером айки-до, который очень часто резко сворачивал туда, куда ему хотелось, — независимо от того, куда они направлялись, — и исчезал в толпе прохожих.

У Уэсибы была еще одна забавная привычка растрачивать все деньги вплоть до последней иены прежде, чем он достигал места назначения. Терпеливая жена Уэсибы обычно снабжала его спутника средствами, достаточными для покупки билетов, подкрепления сил закусками и напитками и других издержек, а также дополнительной суммой на всякий случай. Уэсиба каким-то образом всегда знал, сколько денег было у

его спутника, и неизменно останавливался у каждого встречающегося святилища, чтобы сделать пожертвование. К концу путешествия деньги расходились без остатка.

Мастер айкидо Морихэй Уэсиба, мудрец и кудесник, незадолго до его смерти в возрасте восьмидесяти шести лет в 1969 году.

Однажды Уэсиба зашел в недавно воздвигнутый храм. Он приказал своему помощнику приготовить деньги для пожертвования. Однако после минутной молитвы Уэсиба повернулся к своему спутнику и сказал: «Спрячь деньги. Здесь нет бога». Действительно, этот храм был поставлен исключительно для привлечения туристов и у него не было органичной духовной связи с окружающей местностью.

В 1961 году Уэсиба отправился на Гавайи, чтобы торжественно открыть Айкикай додзё в Гонолулу. Он оставался на Гавайских островах в течение сорока дней, проводя занятия и создавая каллиграфические записи для местных учеников. Гавайи ему понравились, но он сказал своим ученикам: «Химикалии, которыми здесь поливают ананасовые плантации, разрушают окружающую среду. Попытайтесь добиться того, чтобы плантаторы не делали этого».

По сравнению с неутомимой деятельностью и постоянным возбуждением довоенного периода, последние годы жизни Уэсибы были очень спокойными — он посвятил их исследованиям, молитвам и упражнениям. Вот фрагменты последних заметок Уэсибы, касающихся айки-до:

Айки-до — лекарство для больного мира. В мире царит зло и беспорядок, поскольку люди забыли, что все исходит из одного источника. Вернитесь к этому источнику и оставьте позади эгоцентричные мысли, мелочные желания и злобу.

Пока вы беспокоитесь о «хорошем» и «дурном» в окружающих, вы оставляете свое сердце открытым для злобности. Проверка других, соревнование с другими, осуждение других ослабляет и одолевает вас.

Ваш разум должен пребывать в гармонии с функциями Вселенной; ваше тело должно быть согласовано с движениями Вселенной; тело и разум должны слиться в одно и объединиться с деятельностью Вселенной.

В айки-до нет состязания. Настоящий воин непобедим, потому что он ни с чем не борется. «Победить» означает одолеть состязательный разум, в котором мы находим прибежище.

Приемы используют четыре качества, которые отражают природу мира. В зависимости от обстоятельств, движения должны быть твердыми, как алмаз, гибкими, как ветви ивы, плавными, как поток воды, и пустыми, как пространство.

К концу жизни внешность Уэсибы стала бесплотной, призрачной: белые одежды, седые волосы и мягкая белая борода. Его здоровье постепенно ухудшалось, но даже когда он был прикован к постели своим последним недугом, Уэсиба все еще был способен призывать волшебную космическую силу, достаточную для того, чтобы разбросать во все стороны четырех помощников, если они начинали обращаться с ним, как с дряхлым стариком. Подобно Фунакоси, Уэсиба продолжал оттачивать техники своего искусства вплоть до самой смерти. Мастер айки-до ушел из этого мира 26 апреля 1969 года в возрасте восьмидесяти шести лет. Последним указанием, которое Уэсиба дал своим ученикам, стали слова: «Айки-до предназначено для всего мира. В нем нет места ни личным, ни разрушительным целям. Неукоснительно тренируйтесь, чтобы принести благо всем».

Три мастера в сравнении

Часто говорят, что в подобных случаях сравнения неуместны, но мне все-таки хочется завершить «Трех Мастеров Будо» исследованием сходства и различий между Дзигоро Кано, Гитином Фунакоси и Морихэем Уэсибой.

С физической точки зрения, Кано был самым высоким (пять футов четыре дюйма¹⁵). Уэсиба был немного ниже (пять футов два дюйма¹⁶), а рост Фунакоси составлял примерно пять футов¹⁷. Во цвете лет все трое имели широкую грудь, и, по утверждениям учеников, каждый из них в тренировочной одежде казался намного крупнее.

Ведущий очень здоровый образ жизни Кано к концу жизни испытывал проблемы с ногами, а также страдал от диабета.

Фунакоси очень гордился тем, что не проболел ни единого дня за всю свою взрослую жизнь, никогда не обращался к врачам и даже не принимал таблеток. Он прожил дольше всех остальных, почти до девяноста лет.

Несмотря на его репутацию супермена, Уэсиба был весьма хрупким, даже болезненным, большую часть своей жизни. Возможно, он заразился какими-то хроническими заболеваниями во время своего путешествия в Монголию или разрушил пищеварение в соревнованиях по выпиванию соленой воды, которые были обычными для Аябэ. Не исключено также и то, что его частые недомогания были вызваны сверхчувствительностью. Так или иначе, но Уэсиба скончался от рака печени.

¹⁵ 162,5 сантиметра. — Прим. перев.

¹⁶ 157,5 сантиметров. — Прим. перев.

¹⁷ Около 152 сантиметров. — Прим. перев.

В отношении питания наиболее эклектичным вкусом обладал Кано, который ел практически все — особенно он любил бифштексы — и обычно завершал свой долгий и напряженный рабочий день стаканчиком спиртного на ночь.

Фунакоси следовал более традиционной диете, основанной на рисе, овощах и рыбе; он довольно редко употреблял алкоголь.

Питание Уэсибы было, в первую очередь, вегетарианским, хотя он дополнял его рыбой и куриным мясом. Уэсиба прекратил употреблять алкоголь, когда ему было за пятьдесят. Никто из троих никогда не курил.

Теперь посмотрим на этих людей как на мастеров боевых искусств. Чрезвычайно строгий во всех отношениях, Кано был, вероятно, наименее технически опытным из всех троих. Хотя он занимался исследованиями будо в течение всей своей жизни, Кано занимался практическим преподаванием всего лишь около десяти лет, и после тридцати лет очень редко принимал активное участие в занятиях. В противоположность ему, Фунакоси и Уэсиба тренировались и днем, и ночью в течение тридцати лет еще до того, как обосновались в Токио в возрасте за пятьдесят; оба продолжали лично проводить практические уроки вплоть до восьмидесятилетнего возраста. Кано полностью осознавал свои практические недостатки; здравомыслящий и требовательный мастер дзю-до не испытывал никакой ревности по отношению к тому, что его ученики занимаются у Фунакоси или Уэсибы.

Разумеется, Кано представлял собой нечто большее, чем только лишь мастер боевых искусств. Благодаря своей интеллигентности, способности к языкам, путешествиям по всему миру и выдающейся карьере в сфере образования, Кано стал, вероятно, самым образованным японцем своего времени. Несомненно, он являл собой блистательный пример совершенного джентльмена: безупречные манеры, глубокие познания и физическая сила. Фунакоси и Уэсиба испытывали глубочайшее уважение к Кано и никогда не забывали той доброй поддержки, которую он оказал им обоим, когда они начали свою деятельность в Токио.

Фунакоси нельзя было бы с полной уверенностью назвать лучшим даже среди представителей каратэ. Величайшим достижением Фунакоси стало не техническое превосходство; самым примечательным было то, что он сумел укрепить искусство каратэ, сделав из него благородную дисциплину с твердыми этическими основами. В отсутствие преимущества унаследованного состояния — которым были наделены Кано и Уэсиба, — в невыгодном положении «инородца» в столице Японии, лишь истинная, пылкая и поразительная преданность своему искусству помогла Фунакоси достичь своих свершений и добиться истинного уважения в качестве «отца» международного искусства каратэ.

Как мастер боевого искусства, Уэсиба был единственным в своем роде. Скорее всего, он был величайшим мастером из всех когда-либо живших в Японии (или где-то еще). Свершения самых легендарных воинов прошлого бледнеют в сравнении с изумительными способностями Уэсибы, свидетелями и участниками которых стали сотни людей и многие метры киноплёнки.

Подход Уэсибы к будо существенно отличался от позиций Кано и Фунакоси. Точка зрения Кано была исключительно современной, и он гордился рациональностью и научностью принципов Кодокан Дзюдо. Он был совершенно нерелигиозен, и в додзё Кодокана не было синтоистского алтаря вплоть до тех пор, пока в 20-х годах националистически настроенные бюрократы не потребовали его установки. Фунакоси

придерживался подобного же принципа: «В каратэ нет ничего загадочного; ни один мастер каратэ не способен выходить за рамки естественных человеческих способностей». Но Уэсиба был шаманом и чудотворцем; судя по всему, он обладал именно сверхчеловеческими способностями.

В то время как Кано и Фунакоси стремились представлять свои учения в рациональном контексте, Уэсиба пребывал в ином измерении, и то, что он делал или говорил, невозможно было осознать с помощью интеллекта. Кано и Фунакоси разрабатывали детально спланированные и четкие программы обучения; Уэсиба никогда не повторял себя дважды, и его сегодняшние инструкции непременно отличались от вчерашних. Возможно, подчеркивая мистические и духовные аспекты будо, Уэсиба выражал свой протест против тенденции рассматривать будо как чисто физическую форму деятельности (или, хуже того, как спорт) и против возрастания материализма в современном обществе в целом. «Айки-до есть постижение духа! Божественность не имеет границ!»

Поскольку учения Кано и Фунакоси были более «приземленными», большинству учеников было проще начинать изучение боевых искусств с дзю-до или каратэ. На практике почти все ученики Уэсибы имели серьезную предварительную подготовку в каратэ или дзюдо.

Среди самих трех мастеров практически не происходило сознательного и серьезного обмена техниками. Кано внес некоторые движения из каратэ Фунакоси в программу Кодокана (кимэ-но-ката), но не смог позаимствовать что-либо у Уэсибы из-за слишком большой разницы в их подходах. В книге «Будо» есть фотография Уэсибы (номер 67), на которой он стоит в стойке, похожей на положение каратэ, а движения каваси в «Каратэ-До Ньюмот» (стр. 109—113) выглядят очень похожими на повороты ирими-тэнкан в айки-до. В действительности, самое серьезное «перекрестное опыление» всех этих направлений произошло при взаимодействии учеников трех мастеров будо.

Кэндзи Томики (1900—1979) был одним из лучших учеников Кано и Уэсибы, и он многие годы преподавал и дзю-до, и айки-до. Он даже попытался объединить оба направления, хотя это не принесло особого успеха и шло вразрез с заветами Уэсибы. Минору Мотидзуки (родился в 1907 году) — другой мастер боевых искусств, обучавшийся и у Кано, и у Уэсибы, — разработал комбинированную систему будо, которая включала элементы дзю-до, каратэ и айки-до. Ясухиро Кониси (1894—1983) и Сигэру Энами (1912—1981), два лучших ученика Фунакоси, подверглись значительному влиянию Уэсибы, и те системы, которые были ими разработаны, можно было бы назвать айки-каратэ.

Можно говорить и о том, что все три мастера к концу своей жизни занимались айки-до, независимо от конкретного названия своего направления — их движения естественным образом становились круговыми, и все трое все больше полагались скорее на своевременность, силу Ки и чистую концентрацию, чем на физическую силу и механическую технику исполнения. В определенном смысле, айки-до Уэсибы можно считать кульминацией и полной зрелостью любого будо; внешние формы айки-до можно практиковать самостоятельно, в паре, в группе, с использованием и без помощи оружия, в форме движений каратэ или дзю-до. Внутренние формы айки-до совмещаются практически со всеми духовными принципами: с шаманизмом, синтоизмом, буддизмом, тантрой, христианством, суфизмом или квантовой физикой. Как писал Уэсиба,

«Обогащай айки-до достойными традициями, облакая их в свежие одеяния, и встраивай их в классические стили, чтобы возникали более совершенные их формы».